

Станислав Лаваров

*Такие
обстоятельства*

16+

Станислав Хабаров

Такие обстоятельства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66828733

SelfPub; 2021

Аннотация

История возникновения четвёртой территории конструкторского бюро Сергея Королёва. Новые времена и новые люди. Борьба добра и зла. Чему учит всемирная история?

Станислав Хабаров

Такие обстоятельства

*Со временем не прополотые грядки
зарастают сорной травой.*

Среди них встречается чертополох,

поражающий своей силой и стойкостью.

– Ты опять надел эту старую майку?

Да, и что? Я с удовольствием её надел. Это была особенная майка. С полустёртыми надписями и картинкой: эспада с быком.

Мои ближние никак не могут понять, что она тем и хороша, что старая и дорога мне памятью. О том страшном переходном времени, когда страна словно проснулась ото сна и заторопилась жить. Была объявлена поголовная борьба с пьянством, как будто не было других задач. На космической технике нашего славного королёвского КБ слетал первый французский космонавт.

Этому заключительному опусу может и послужила исходной эта майка, став символом необыкновенного периода и пропуска в мир иной.

Майка из прошлого.

Новое роскошное помещение с деревянными панелями стен на третьем этаже лабораторно-конструкторского корпуса досталось отряду гражданских космонавтов потому, что новый Генеральный конструктор знаменитый двигателест Валентин Глушко отказался в него переезжать. Его мотивы, для окружающих казавшиеся весьма смутными, не были таковыми для него самого. Завидуя посмертной славе Королёва, он отказался покидать королёвский кабинет на первой

территории. Впрочем, каждый был вправе домысливать его поступок по-своему.

Космонавты сразу распорядились полученным помещением. Комнатку поменьше заняли дважды герои, слетавшие дважды и удостоившиеся соответствующих наград, а зал рядом заняли остальные, не летавшие, вместе с Сергеем Анохиным, легендарным лётчиком-испытателем, числящимся заместителем начальника отдела. Эту большую комнату в шутку называли «греческим» залом после удачной репризы Хазанова. Зал по соседству стал учебным классом и ещё два помещения поменьше завершили новоутверждённый комплекс гражданских космонавтов: кабинет начальника отдела и его зама и крохотная комнатка группы обслуживания. Конечно же, это было не всё. Ниже этажом были рабочие комнатки отдела, а ещё ниже фотолаборатория, завершающая «центр гражданских космонавтов» НПО «Энергия», так стало называться бывшее КБ Сергея Королёва с приходом Глушко.

В комнатке дважды героев и встретился я лицом к лицу со своим будущим шефом. Крепко сбитый мужчина из отдела материаловедения, шапочно знакомый, как и многие на предприятии, что-то объяснял космонавту Севостьянову, а тот снисходительно слушал его. Оказавшись рядом, я сказал пару слов из вежливости, намекая на возможности новой службы гражданских космонавтов, в которую превратился прежний отдел. Будем, мол, вместе работать. Я не подозре-

вал, что эти слова пророчески сбудутся, но с другим смыслом и не бесследно для меня. Не прерывая объяснения, мужчина кинул с рысьим проблеском взгляд в мою сторону, не возразил и не согласился, а констатировал. Не склонен он был, казалось, терять попусту время на разговоры. Он был себе на уме. Мог ли я подумать тогда, что с этого момента судьбы наши уже переплелись как пара змей в брачный период?

Опускаю намеренно блок жизненного цикла, полный ненужных треволнений и практически пустой. Дни противостояния отряда гражданских космонавтов с его руководителем. В нём я активно участвовал, хотя и не был в самом отряде, а в качестве главы комиссии по контролю администрации новой службы. Это были фактически бодания «телёнка с дубом». В результате чего я очутился на третьей территории. Была она в стороне от всего, за стадионом и гаражами. Там царили свои правила и порядки и с некоторых пор размещались ядерщики, собранные под особый проект ядерного источника межпланетной станции.

Представление моё новому начальству получилось недолгим. Секретаря на месте не было. Со словами «у нас без церемоний» мой новый шеф (буду условно звать его шефом по разным соображениям) толкнул дверь. Мы вошли, и стали невольными свидетелями. Опершись о краешек стола, полусидел-полустоял начальник отдела Берлатый, а визави с ним

рослая молодая женщина, подсмеиваясь то ли над собой, то ли над окружающими, докладывала возмущённым голосом о ходе испытаний. Я услышал только конец фразы:

– ... налицо «эффект кабелей». Не знаю, как правильно сказать: «кабелей» или «кабелёй»?

– Кобелей, – ответил Берлатый и все рассмеялись.

Рассмеялась и женщина. Была она очень высока, хотя и сложена пропорционально, и видно было, что ей и самой противно этим заниматься и смешно. Не придаёт она здешним делам должного внимания, считая их временными. В ней даже было некое высокомерие. «Мы – физики, и этим, мол, всё сказано».

Я знал, что они из атомной отрасли, переведены сюда скопом и перелётными птицами опустились на третьей территории. Отличием их ещё было, пожалуй, в том, что они чувствовали себя по-прежнему единой семьёй и не церемонились в разговоре.

Знакомство с начальством и моё представление разом состоялись, и мы отправились восвояси в главное мрачного вида здание, где в двух комнатах первого этажа размещалась наша лаборатория.

Это громко сказано – «две комнаты». Начинать мне пришлось в маленьком кабинете начальника лаборатории, того самого крепкого мужчины, шефа. Занимался он формированием полётных полезных нагрузок, обязанных наряду с колоссальными затратами приносить хоть какую-то видимую

пользу от космонавтики.

Сколько раз уговаривал я себя не бороться с властью имущими, что заведомо бесполезно и только приносит вред. Вот и на этот раз, поймев слабое удовольствие иллюзорной правоты, я очутился в «отстойнике» третьей территории, в мрачном здании, в высокой комнате, узко-тесной, имевшей достойный размер разве что в высоту. За единственным окном её прекрасные остроконечные ели естественной ширмой всего-всего: и стенда перекисных двигателей моего исходного детища, из тех, что когда-то я бездумно, не глядя раздавал, и сохранившаяся пристрельная горка, в которую лупили пристреливаясь в войну скорострельные грабинские пушки и остальная третья территория, за которой коллективные сады и торфянка, примитивное торфодобывающее предприятие, пережившее всех и сохранившееся в исходном виде с древних времён.

Лаборатория претерпела мытарства и гонения и-за авантюристических склонностей шефа. Поведение его отличалось от принятого для окружающих. Он пропадал по лику ему известным неотложным делам и имел особый круг общения. Отчего порою принимал непонятные на первый взгляд решения и выглядел настоящим фигурантом неведомых сфер, посещавшим наш мир время от времени. Вышестоящие пытались безуспешно привести его в привычную норму и отказывались понимать его выходки. За них его про-

бовали карать, но чаще махали рукой. А он, продолжая свои партизанские наскоки, казалось, действуя по своим особым правилам, круто и вопреки, не собираясь под кого-то подстраиваться.

Впрочем, коллектив поддерживал его. В него верили и когда его в очередной раз его изгоняли, переходили вместе с ним. В нём было что-то притягивающее, незаметное с виду. Хотя чем мог привлечь с виду наш коротконогий и короткошей шеф? Но что-то в нём всё-таки было. Не разбираясь в деталях, эффект налицо. Как говорится, не скроешь и не поймёшь, а мы и не пробовали разобраться. Нам было не до того.

Наша комнатуха, как уже сказано, не в длину и ширину, а в высоту. С высоким потолком. В ней впритык размещаются три рабочих стола. Посередине шефов, мой у глухой стены и третий у окна, за которым сидел Виктор, мой ровесник, ну разве, младше чуть-чуть.

Виктор – шефов протеже. Товарищ вузовских времён. Я его зову на французский манер Виктор, потому что он у нас «министром иностранных дел» и теперь контактит с Францией. Начались международные проекты и для курирования экспериментов потребовался особый сотрудник внешних сношений. На стадии согласований, которые проходили в Институте космических исследований, он представлял под выдуманным прикрытием Академии Наук наше направление и время от времени даже ездил за рубеж, что прочим за-

секреченным вовсе не светило и составляло зависть остальных. Меня же в комнату посадили по велению шефа из-за отсутствия других свободных мест.

Рядом была другая большая рабочая комната с кураторами экспериментов. У нас с нею даже общая дверь в коридор. Вот и вся лаборатория. Руководство приютившего её отдела помещалось в соседнем двухэтажном розовом здании.

Короткая прямая от проходной подводила к трёхэтажному мрачного вида зданию, считавшемуся главным на территории, которое по моим представлениям служило отстойником переводимых по тем или иным причинам с территорий основных. Так на третьем этаже располагались остатки бушуевского секретариата минувшего международного проекта «Союз-Аполлон». На втором был кабинет королёвского двигателя Мельникова, который, собственно, и возглавлял ядерные надежды направления, основного в здании. На первом кроме ядерщиков были мы и группа Володи Осипова, из славной команды первого спутника-ретранслятора «Молния», отпочковавшаяся с перспективными задумками от проектантов первой территории.

Виктор был надёжной опорой шефу. Несомненно, он был умницей и негласно опекал прочий лабораторный молодняк, чего, впрочем, никто не оспаривал, а приветствовали. По всем приметам он был нездешним и далёк от всего, а как бы оказывал услугу шефу. По роду деятельности он был своего рода лабораторным министром иностранных дел, осуществ-

для международных контактов и заграничные командировки, появившиеся с полётом последнего «Салюта» с его международным наполнением. О загранице остальным нельзя было даже помыслить, разве что помечтать на досуге.

Руководитель лаборатории считался невыездным из-за подмоченной репутации со скандальными разводами. На си-некуру он пристроил своего приятеля, «не разлей вода» со студенческих лет. Тогда зарубежные поездки смотрелись как что-то недоступное. О них решалось где-то в заоблачных начальственных верхах, а мы, рядовые исполнители, лишь питались слухами.

Шеф был вхож на совещания, где принимались решения о поездках, но для себя их сам он не мог реализовать и доверял их проверенному порученцу. Он был из тех, что сунутся в любую щель, ведущую «отсюда туда». И конечно же он не мог пропустить открывшуюся возможность в космонавты. В ОКБ был объявлен набор в отряд гражданских космонавтов, и он сумел протиснуться в него. Учите матчасть. Всё тогда складывается.

Виктор держался одновременно как бы на короткой ноге со всеми, оставаясь в стороне. В объектовую работу он до поры до времени старался не вмешиваться. Эксперименты отслеживал через кураторов. Конечно, это помимо французской программы, где он сам был куратором. По сути, не нашим, а как бы со стороны, и не старался разбирать непро-

стые кабевские течения.

Из космоса порой даже невооружённым глазом наблюдают иногда во льду заливов вмерзшие течения. Особая точка зрения это позволяет делать запросто. Так и для меня в окружающем мире стали прорисовываться свои узоры. Что этому мешало? Хочется прожить жизнь во всей её полноте, отбросив ограничения, рискуя и пройдя по кромке обрыва. Отсюда все мои приключения. Но где эта грань, как её найти?

Ледовая картинка замёрзших течений из космоса.

Виктор при всех своих достоинствах и коммуникабельности был и оставался здесь чужим. Он как бы осуществлял надзорную деятельность. Местной сумбурной вольнице он придавал некий научный смысл. Выслушивал каждого по

очереди и давал дельные советы или наоборот одёргивал и охлаждал не в меру ретивых с иронической усмешкой, впрочем, чаще доброжелательной, и рядовые исполнители с ним охотно делились бедами и радостями.

Наоборот шеф был полностью своим, хотя и с особенностями. Всё время с ним что-то приключалось и каждый раз выходило ему боком. Сюда на третью территорию он загремел после очередного кадрового антраша. В отделе его притянули из милости. Положительной причиной сказалось разноплановость отдельской тематики. Отделу деятельность лаборатории смотрелась экзотикой, а шеф до поры, до времени не касался забот и хлопот отдела, чем гарантировал себе временно безбедное сосуществование.

Ах, сколько несчастий и подстав было вокруг и не случайно оказался он на третьей территории. Но оказался здесь не один, а вместе с доверяющим ему коллективом. С исполнителями они сработались, срослись и силы отталкивания оказались слабей их притяжения. А пертурбации, куда от них денешься в наш беспокойный век?

Ах, не прост был мой новый шеф, совсем не прост. Он мог достать любые билеты и лекарства. Он мог звонить тогдашнему светилю офтальмологу Святославу Федорову, бывшему тогда на слуху. Мог договориться об операции на глазу, на которые тогда годами стояли в очереди. Он многое мог, для своих. Какие-то связи-завязки держал в руках наш шеф, что было важным успехом его и ему подобных, сильных мира

сего, дергающих в нужные стороны разные веревочки.

Что касается меня, я не мог похвастаться с ним особой близостью. Я плохо знал его. По-моему, ему подходили подправленные слова Нонны Мордюковой в фильме «Простая история»: «Хороший ты мужик, Петрович, но не орёл». Поначалу моё отношение к нему было скорее, как к контуженному, и приходилось мириться с его особенностями. У нас было общим, по сути, что мы оба – гонимые. Территория приютила лабораторию, а та меня.

Мы сидели «нос к носу» и поневоле я становился «третьим лишним» в шефовых переговорах, негласным свидетелем его «плодотворной» деятельности, можно её условно так назвать. С виду он совсем не работал. Его рабочий день складывался из околачивания порогов верхов на первой территории и здешних рабочих беседований. Посланцы страны излагали ему свои предложения. Он их небрежно выслушивал, выискивая «изюминки». Собеседники его, как правило, были людьми не тривиальными и старались показать товар лицом. Оказаться на самой высокой в мире лабораторной площадке в начальный период космонавтики для них было важным, и они старались доказать это что было сил. Словом, это был цирк, зрителем которого было оставаться забавно, хотя и мешало моим расчётам и всему тому, чем с некоторых пор я начал заниматься на новом месте, в шефовой лаборатории. У меня складывалось впечатление, что «шеф из тех, кто

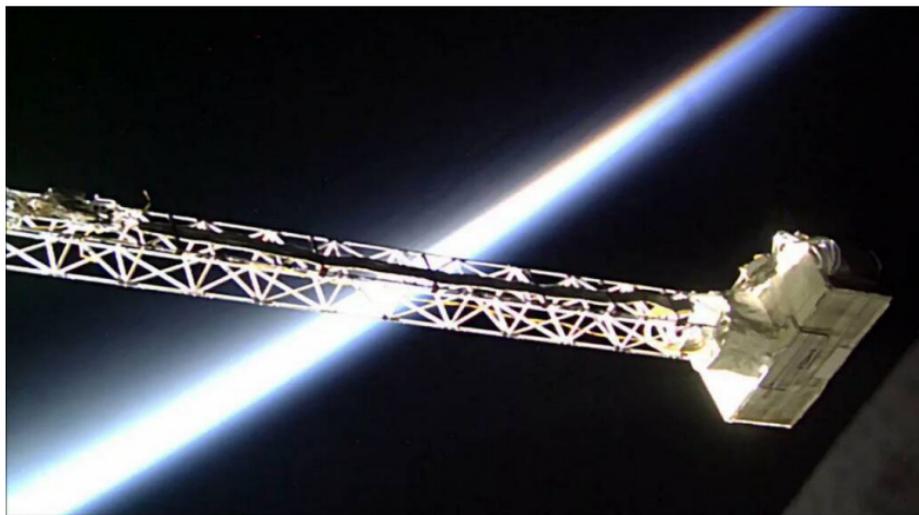
может оценить. Неравнодушный он». Тянуло с ним поделиться. Располагал он к разговору. Редкое качество, встречающееся разве что у близких родственников и то иногда. Слаб человек. Часто ему требуются сочувствие. Ничего не поделаешь, так уже мы устроены. У нас сложились странные отношения. Он отдавал должное моему прошлому, особо не заморачиваясь.

– Впрягайся, – сказал он мне в один из моих первых дней, – нужно проводить смежника.

Смежник оказался из Харькова. Поезд его отходил глубоко за полночь. Неудобно, а что поделаешь. И вот я на ночном вокзале. Тащу чужие чемоданы. Я, кандидат наук и небезызвестный в наших кругах человек, не в силах перечить шефу. Смежник оказался со «смежницей». Совместил приятное с полезным. Приехал в командировку с любовницей, а я им чемоданы тащу. Ей даже стало неловко, но смежник успокоил её, сказав обо мне: «Владимир Петрович специально выделил человека. Нас проводить». И смех, и грех.

Шеф постоянно действовал так, словно остальные были у него в долгу. Там, где иные бы ходили кругами, он не задумываясь рубил с плеча и ему многое удавалось. Он постоянно находился процессе личного борения и как не странно мы ему в этом помогали. В окружающих для него не было авторитетов. Космонавта Кубасова газеты назвали «первым космическим сварщиком». «Фу, – фыркнул шеф. – Сварщик. Да,

он чуть стенку корабля не прожёт». Тепло он отзывался разве что о Борисе Патоне, тогдашнем легендарном Президенте Украинской Академии Наук, самолично в силу веяния эпохи поучаствовавшем в проведении бортовых технологических экспериментов и открывшем дорогу КГК – крупногабаритным конструкциям для выносных управляющих двигателей и основы пространственных солнечных батарей.

КГК- наша общая история.

Закончилась длинная история «Салюта-6», когда шеф по части бортовых экспериментов взаимодействовал со многими известными людьми и в их числе с Патоном. Они сердечно попрощались. Президент вёл себя исключительно просто

и на перроне вокзала отъезжая даже выпил портвейна с шефом «из горла» по поводу успехов в космосе.

Шефовы метаморфозы напоминали «американские горки», которые он стойко переносил. Была у него редкая способность регенерировать силой словотворчества. Подобно барону Мюнхгаузену вытаскивал он себя из болота передрыг за волосы.

Приходил он, скажем, от руководства уничтоженный.

– Ну, как? – спрашивали его, потому что уходил он в верха с большим вопросом и решение его касалось всех. В ожидании ответа рассаживались. Виктор и кто-нибудь из ведущих по экспериментам. Мне же можно было не сходить с моего места. Я был в курсе и рядом.

– Как? – словно очнувшись спрашивал шеф. И обводил окружающий народ удивлёнными глазами. – Да, плохо дело. Там, – поднимал он глаза к высокому потолку, – начисто игнорировали наши наработки. Может, вожжа попала им под хвост или от министерства свои громы и молнии. Не знаю, но на мою голову вылили самые грязные помои, подтёрлись мной. О стенку размазали. Начисто.

Всё чаще в силу соседства мне приходилось выслушивать шефовы реминисценции зрителем «театра одного актёра». Это и забавляло, и раздражало. Принимая очередного смежника, шеф ту же историю пересказал.

– Я им открыл глаза. Не спорю. Говорю, не сладко всем. Это я понимаю. И даже кое кому светит долговая яма.

Если мы... Вижу по глазам со мной начали соглашаться...

В конце дня «на огонёк» зашёл поинтересоваться и начальник отдела Берлатый. Начальнику отдела шеф просто обязан объяснить. Тот дал приют гонимой шефовой лаборатории. Не побоялся приютить «прокажённого», когда его со скандалом поперли со второй территории, хотя отдел был совсем далёкой тематики. Шеф обязан ему.

– Я так и сяк им, и два, и полтора, – излагал шеф нынешнюю историю. – Что же вы, чурки безмозглые, не думаете о нашем общем? – говорю. – Где теперь мы в этом самом по это самое по вашей милости? И постепенно, вижу, начинают соглашаться. Не на словах ещё, но на лицах написано: «Мол, мы подумаем, и не всё потеряно и решено». А я не отстаю, говорю....

– Прямо в лицо? – удивляется начальник отдела, которому, как и всем, нынешний Генеральный конструктор виделся Зевсом-громовержцем.

– Прямо в их нахальные рожи, – свирепствует шеф, – за мной не задержится.

– Володя, ну, ты даёшь.

Шефу и самому смешно. Они смеются с начальником отдела, и он уже чувствует себя рыцарем на белом коне. Победителем. Не сомневается. «Поверил в себя, и ему поверили, а «голос народа – голос божий». Со стороны забавно эту комедию наблюдать. Цирк налицо. Во всяком случае с шефом не соскучишься, и мы ему сочувствовали. Опасались толь-

ко, как бы его совсем не занесло. Должно быть, шеф наш сутью своей был экстравертом и черпал сочувствие из окружающих.

Помимо служебных передраг его подводили любовные истории. Их было не мало. Находящиеся рядом жёны сотрудников, попадали сразу в зону опасности. Их необъяснимо влекло к шефу, как бабочек на огонь. Чем дело и заканчивалось. Зачастую они и сами понимали, что это хрупко и временно и вспоминали потом случившееся, как необъяснимый эпизод, которого не удалось избежать, хотя и стоило. Как говорится, сильны мы задним умом. Теперь в фокусе его находилась соседка. Её мужа Станислава, Стаса из соседнего НИИ он перевёл к себе в лабораторию и теперь был волен посылать в длительные командировки.

Наша третья территория особенная. Она от всего в стороне. За ней сады садоводческого товарищества и торфянка, обязанная торфяным почвам. Начальство сюда не заглядывает. Тут пристроились перекисные двигатели, управляющие спускаемым аппаратом при посадке. Из зданий всего-то несколько невысоких корпусов и мы сидим в главном. Синеватые ели в окне нашей комнаты, и кажется, что мы не на территории Особого Конструкторского Бюро новой техники, а в академическом санатории. Хотя наша лаборатория к технике «сбоку припёку». Она сама по себе. Её проекты экзотические. Я, например, занимаюсь теперь передачей ин-

формации с внешней оболочки станции во внутрь неё не по-человечески, через разъёмы, электрическим путём, а через стекло иллюминатора. В системе есть внешний и внутренний блоки светодиодной связи. Один снаружи подмигивает, а внутренний должен это подмигивание разгадать и тем самым породить ещё один канал информационной возможности. Попутно решается, как эти блоки закрепить, масса технических деталей этой идеи осуществления. Всегда так. Красивая идея тонет в деталях, которые – сплошное занудство. И в жизни похоже: поэтику губят отношения.

Рядом с нашей – вторая комната лаборатория. Она побольше. В ней основные исполнители. Молодёжь. По направлениям. В основном – блатные. Устроены по протекции на это «хлебное» место. Исключением Светлана. Она постарше. Фамилия её знаковая, как и основоположника реактивного движения Николая Тихомирова. Детдомовка в возрасте и ненавидит начальство. Она в Совете здешнего трудового коллектива и жаждет начальственной крови. Половину времени она проводит в ЦУПе, половину здесь, на рабочем месте. Её детдомовская биография не исключает корреляции с парадоксами отечественной истории. Она появилась в подмосковном Калининграде из другого подмосковного городка, городка-спутника Зеленограда. Об этом упоминалось в отдельской стенной газете.

«Говорят, в Зеленограде

Будто Светы нашей ради
Злобин объявил почин
И на лаврах не почил.
И растёт теперь жильё
К слову, Света, не твоё...»

Светлана в курсе всех кабевских историй, обсуждаемых между сеансами связи. Она знает родословную шефа, подноготную всех его скандалов. Основой их – его неугомонный характер и женщины. Без них у него не обходится. Он сам рассказывает «случаи», делится.

Не понимаю, за что его любят женщины? Невысокий, с короткой шеей и ноги короче, чем следовало бы. Невыдающееся лицо. Остальное в мимике и динамике. Достаточно десяти минут разговора для вызова. Любовных историй не мало.

А эти странные навороты предыстории. Его вся семейная коллизия и развод, и мушкетерская затея с отрядом космонавтов, и отношения с поставщиками бортовых экспериментов, разбросанными по стране. Скандальные связи тоже не разрывались, а сохранялись отдельными контактами, которые подчеркивали, что не годилось на официальном производственном уровне, а проявлялось в уважении к личности, токсичной, скандальной, но любопытной неожиданными проявлениями и безусловной харизмой характера.

Соучаствовать в его текущих приключениях по большому счёту кто-то вряд ли хотел, но наблюдать его кунштюки по-

ведения со стороны не отказывались, сочувствуя и в чём-то содействуя.

И был официальный скандал с разводом. Первая его жена работала в городской аптеке и до неё кое-что доходило с закрытой территории. «Скандал сменялся скандалом, а молоденькая Надя, что в лаборатории рядом техником, явилась выходом из ситуации. Восемь лет теперь вместе живут. Была такая хрупкая девочка. Родила пару сыновей и заматерела. Теперь по словам Виктора, – «зад у неё что твоё вагонное колесо».

Соседняя большая комната лаборатории по смыслу основная. В ней, собственно, и готовили бортовые эксперименты, их оформление. Теперь эту комнату безусловно интересовало, кем станет в рамках её новоиспечённый сотрудник, то есть я и какие мои особые функции? Но комната по большому счёту была бесправной и мнением её наверху не волновало. Верха поступали по-своему и вопреки.

Плодились слухи. Знали, что я – член молодой команды Бориса Раушенбаха, собранной ещё в НИИ-1 у Келдыша из выпускников-физтеховцев, и разрешившей проблему кораблевождения в космосе практически, доказав это наглядно фотографированием обратной стороны Луны. Ещё я и из тройки впервые защитившихся в ОКБ-1 Сергея Королёва, что ныне после смерти Главного конструктора поименовали бюрократически бесцветно – ЦКБЭМ и НПО «Энергией» с приходом Глушко. Но кем стану я теперь именно

здесь, в лаборатории третьей территории? И почему шеф посадил меня рядом с собой? Чего ожидать от меня? Это всех интересовало. Как стану себя вести? Возможным, однако не продуктивным, могло иметь место пренебрежение, как у старшекурсников к поступающим, или покровительственная доброжелательность, неуместная в среде лидеров бортовых исследований? Словом, поначалу в наших отношениях царили насторожённость и холодок.

– Вот ты собирался лететь на Марс.

– Я? Нет.

– погоди. Бедлам в главном архиве. Генеральный приказал уничтожить документы Н-1 и их уничтожают, может, со слезами на глазах и через себя, потому что с ними связана чья-то жизнь.

Я вспомнил вытянутый корпус тяжёлого межпланетного корабля, лопухи концентраторов, оранжереи и демпферы. Защемило в груди, но я мужественно сказал:

– Моя нет. – и покривил душой.

Это был отрезанный по живому кусок нашей жизни и молодости.

– Я и сам поучаствовал, -добавляет шеф, – в части материалов. Н-1 теперь Генеральному тряпкой для быка. С остервенением рубит под корень сделанное нашими руками. Ловко чужие заслуги присваивает и получается: мы заодно.

С утра на рабочем месте шефа не было. Виктор, как бы замещая отсутствующее руководство, и удовлетворяя общественный интерес, объяснил ситуацию. Генеральный, он так сам себя обозначил вместо прежнего Главного, окончательно закрыл тему с ракетой Н-1, и оставшиеся на полигоне (так между собой обзывали космодром) цеха и фрагменты ракеты подлежат утилизации. Между тем шеф подсуетился и предложил сбавить оставшееся на Украину, КБ «Южному» или верфи корабельной утилизации Индии. Превысив этим свои полномочия, он хотел и что-то с этого поиметь, а прокукарекав угодил на острие внешнеторговой проблемы, и теперь варился с пройдохами-снабженцами, потому что Генеральный считал или сделал вид, что она его совсем не интересует и бельмом на глазу, отвлекая от насущного.

– Надо же, – оставшись со мною наедине посмеивался Виктор, – Володя находит повод оставаться на плаву, и везде получает по личику.

Виктор говорил посмеиваясь, но доброжелательно и выходило одновременно и «против» и «за», так что можно было выбирать удобное.

– Как бы только он эту проблему на нас не перевалил. Что весьма и очень вероятно.

Теснота рождала общение и секреты само собой становились секретами полишинеля.

Сеансы связи со станцией сместились на ночь и Виктор,

куруируя французскую программу, чтобы не мотаться туда-суда, снял в Подлипках угол, как выражались тогда, у Стаса, в ведомственном доме. Естественно, он познакомился с семьёй Стаса, женою. дочерьми, из которых старшая была на выданье. За эти несколько недель он понравился всем и особенно Юлии, хотя и был значительно старше её. Впрочем, в вопросах нравится-не нравится многое не регламентировано. Неискушенная девушка-подросток была им очарована и теперь искала встречи с ним, карауля его у ЦУПа, благо школа была рядом, да и она была настойчивой. Это служило причиной подшучивания шефа, бывшего в курсе соседней ему по дому стасовой семьи.

Шеф спускался с высот первой территории, и они обменивались репликами.

– Встретил Пашу Короткевича, – бросал он Виктору.

– Жестянщик Пашу Короткевич в заводе околачивается, – это он мне.

– Тропинку к сердцу руководства протаптывает, – это нам обоим.

– Выправляет корпуса машин, – пояснял он для меня. – А теперь в цеху что-то замышляет, подбивает на нечто левое. Идея ему, видите ли, в голову пришла: сделать рядом с горячим цехом парную. Для руководства. С бассейном, чего теплу даром пропадать. Эх, нет Главного на их блудотворчество. Теперь всё через пень-колоду пойдёт. По их, по-своему.

Шеф одновременно выдавал и нашим, и вашим.

– С Главным инженером завода говорил. У него зуб на меня. Он мне в свое время Наташку, дочку сватал и делает одолжения. Так я разом и озадачил, и проблему на него спихнул. Попадаешь в завод и разом человеком становишься. Все проблемы побоку. Пахнет стружкой, попьешь газировки в горячем цеху, и ясно в голове.

Был я ещё никем, а рядом велись глубокомысленные разговоры. Итогом планёрки был неутешительный итог. Они обсуждали ситуацию с Виктором.

– Признайся, мы в этом самом по это самое.

– Нам нужен ход, – задумчиво размышлял шеф, – нестандартный. Вроде верблюдов Кира против мидийцев, кони которых испугались незнакомого запаха.

– Мне ближе придумка Майнерцхагена, когда на турецкие позиции сбросили набитые опиумом сигареты. Турки, изголодавшись по куреву, закурили тогда до одури, и сопротивляться было некому. Британцы легко взяли и Иерусалим, и позже всю Палестину.

– Да, нужна изюминка. Без трюка, – уныло заключил шеф, – потуги наши – пусты.

И кто мог подумать тогда, что нужный требуемый ход подскажу шефу я. Поднесу на блюдечке с голубой каёмочкой. Сработает всё-таки пресловутое «ружье», повешенное в этом акте. Однако обо всём по порядку.

В терминах кадровой политики шеф был вечно гонимым.

Там и сям, как правило, изгоняли его за самоволку. Подразделение своё он при этом не терял. Сотрудники верили ему и шли за ним, рассуждая: «Не там, так тут». Их за глаза даже звали «кабевскими цыганами». Наконец, они нашли приют на третьей территории, в отделе Берлатого. Лаборатория и тут представляла своего рода вольный табор. Надзор над ними осуществлял в какой-то мере Виктор.

Время от времени Виктор выходил в народ и консультировал кураторов, отвечая с улыбкой на любые вопросы. Каждому по-разному. Мне он отвечал, казалось, несерьезно. – Почему, – спрашивал я его, – он не ходит на первую территорию, на совещания, где решаются многие проблемы?

– Разделение у нас, – отвечал он. – Верха – епархия Владимира. Моё правило – подальше от руководства. Там особенный синклит и окружающим нужны особые свойства. Протекции мало. Как учит история? Говоря об Ироде, называют его Великим. За что? Не за историю с младенцами. За такое не станут хвалить. Лесть помогла Ироду Великому ужиться с разными римскими императорами. Лстить нужно уметь. Она – вечное, проверенное.

– Поплыли огурцы.

– Что?

– Не обращай внимания. Присказка для словесного разгона. Ты на чём защитился?

– Процессы в гидродинамическом двигателе. Задача из

теории струй. Виды неустойчивости.

– А чем занимался до?

– Кавитация. Глубинная бомба.

– Ты из Днепропетровска?

– Нет, но оттуда все мои родственники. С чего ты о нём?

– Можно и не спрашивать. Оттуда всё. От альфы до омеги.

Как из черной дыры. Верхушка страны: Подгорный, Кириленко, Брежнев. Американцы боятся «Сатаны» из Днепропетровска. Теперь их мелкие бесы к нам. Скоро обнаружат. Таможня даёт добро. Поплыли огурцы.

– Причём огурцы?

Понять порой шефа не просто.

– Это присказкой из юности. Была такая история. Собрали мы с матерью огурцы в огороде. Возвращаемся по мосту с полными вёдрами. Навстречу учительница и не одна. Был я тогда без памяти в неё влюблён. В глазах у меня разом помутилось, выпустил я ведра из рук, посыпались огурцы и поплыли по реке. Отсюда и присказка. Поплыли огурцы.

С шефом не соскучишься. Новая вводная.

– После обеда к физикам идём. Заседание секции Учёного совета территории. У нас здесь сплошные атомщики и судят по-своему обо всём. Распустили мы их. Мол, физики, как же. «Девять дней одного года», хотя дней куда больше в году, а мы из материаловедения, от основ. «Не кочегары мы, не плотники» и им бельмом на глазу. Мы – физики наоборот.

Идти, впрочем, недалеко. Поднялись на второй этаж. Но как поднялись, так и опустились. Обсуждалась шефова диссертация. Докторская. Выдали ему по первое число. Попытался и я с ходу было встрять, и мне прошлись по ушам, хотя и легче, чем шефу. Объяснялся я всё-таки с ними на одном языке. Но результатом ноль, как в сопромате: «С чем пришёл, с тем и ушёл».

В нашей комнате нас уже поджидали сотрудники Патона. Грузовик доставил на станцию их сложенную новую КГК (крупногабаритную конструкцию) и планировалось в ближайшие дни её развернуть на внешней оболочке и, удалившись по ферменной конструкции от станции, сфотографировать комплекс на фоне Земли на восходе, когда солнечные лучи сказочно высветят его.

Через час планировался в ЦУПе в этой связи сеанс радиопереговоров с экипажем и требовалось посоветоваться.

– Подключайся.

Текущее – это экстренно со смежниками в ЦУП. И завертелся белкой в колесе. События замелькали калейдоскопом, не позволяя оглядеться и сосредоточиться.

Атомники в ОКБ сначала смотрелись пришельцам. Как внедряемое и новое они поначалу встречали сопротивление, своего рода лёгкий геноцид со стороны устоявшегося, сложившегося основного костяка. Об этом они говорили жалуюсь, разумеется, и в городе после работы между собой и недовольство выносилось на общих партийных собраниях кол-

лективным «плачем Ярославны» и сказывалось их неприятием сырых проектов и недостаточно обоснованных диссертаций, где в полной мере выплёскивалось их негодование. «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?»»

Необходимо высказаться и мне здесь, на Учёном совете третьей территории. И я говорю умные с виду слова о своём сокровенном, своих исследованиях, что годами мною вынашивалось, но по особым обстоятельствам пока не опубликованы. Можно сказать, о моей докторской диссертации, которая сейчас в порыве отчаяния брошена всем под ноги и которая не может не впечатлить.

Только и это впустую, у этих атомных умников уже сложилось мнение о шефе, которое не поколебать и судилище печально заканчивается. Совет не поддерживает его в стремлении, подняться на ступеньку выше. А это тупик, стоп движению, формальность в большинстве своём. И то, что прежде считалось святым, честь твоя, теперь подвергается ревизии и кажется не важным на фоне фронта работ и задач, что предстоят и были бы облегчены, если бы обошлось на этот раз.

А дальше дни и месяцы ... и шеф метался, как всегда, и куча работ, и телефонные звонки, и, наконец, его поездки на Украину к Патону. А кончилось тем, что задуманное исполнилось и украинским Советом диссертация утверждена и одобрена и шеф походя прочим нос утёр. став доктором наук не согласно здешнему, а вопреки. Он вообще легко и

успешно преодолевал с виду непреодолимые водовороты карьерного роста.

Красив не по здешнему ЦУП- Центр управления полётами с парадной стороны. Строили его с задумкой общения с американцами. Парадный он в отличии от обычных зданий по сторонам и на территориях, особенно на третьей, богом брошенной, откуда мы теперь в него идём. Всё бы хорошо, да не совсем.

Существует масса обстоятельств. Масса деловых соображений. Со стороны не понять, хотя мы в них рыбой в воде, но, если подробно описать, запутаешься. Да, и не стоит. А потому – главное, что мы на плаву и не тонем, а чего это стоит нам, скажется на здоровье. В конце концов здоровье покажет своё. В молодости об издержках не думаешь. Словно этом отношении – Крезы мы и всё нам по фигу.

Для меня в ЦУПе свои мелкие нюансы. Неприятна коллизия из-за руководителя полётами. Воробьев для меня персона нон грата с симптомами тиранства. Рыцарь ордена «дал-взял», его почётный эмиссар и член с послеполётной метаморфозой тираннозавра.

Человек он дальнего прицела. Слетав, разом начал восхождение. В руководстве управления полётом на наших глазах сменилось три поколения. Первый руководитель – Елисеев был старой школы и не смешивал работу с отношениями, Второму – Рюмину вообще отношения были «до лампоч-

ки». А у третьего, видно так родословная сказывалась, и он начал расставлять преданных. Самому ему, кажется, поначалу временами становилось неловко. При появлении в ЦУПе прежних знакомых он морщился. Попутно пытался показать, кто в ЦУПе хозяин. Ему, как дважды Герою, поставлен на родине памятник, и он начал бронзоветь.

Тираны вовсе не безвредны и жаждут остаться при всём. Беда ещё в том, что плодят себе подобных, а то и создают школы. Такой же посредственности. Снижают планку и фирмы, и нации. Опасность всеобщая налицо и требуется пестицид. Не стоит их жалеть. Искоренять, выпалывать, пока не заросли полностью. Мне совестно, что я это понимаю и бездействую. Нет оправдания тому. Закрываю глаза, откладываю на потом, по сути «в никогда». Так, что встреча с ним станет мне укором. Не светит встреча приятным, мягко говоря, но иду. И сюрприз. Господи, можно спокойно вздохнуть. Сегодня нет его в ЦУПе и его отсутствие в зале управления полётом подарком судьбы для меня.

Новоиспечённый руководитель полётов Владимир Воробьев был в это время на подъезде. Последнее время ему приходилось часто делать вид, сдерживаться, надевать маску. В этот момент он был предельно раздражён, хотя голоса не повышал. Когда он как обычно въехал на территорию и запарковался с внутренней стороны у здания ЦУПа, он выйдя придирчиво посмотрел на своё недавнее приобретение – Бентли. В глаза бросалось помятое крыло и неприкрытую ра-

ной царапины. Дорогая игрушка красавица машина, которой он заслуженно гордился, выглядела металлоломом на стоянке ГАИ. В таком виде ему пришлось ехать по Москве и полчаса по Ярославскому шоссе от Северянинского моста, где вчера после службы и случилось событие, о чем он не мог теперь, не морщась, вспоминать.

История была по сегодняшним меркам рядовая. Возвращаясь с работы, он позволил себе расслабиться, включил музыку и настроился на нерабочий лад. Но тут его стали подрезать и прижимать к обочине. Он слышал, что местные мошенники выдумали новое вымогательство. Создавая аварийную ситуацию, они вынуждали нанести повреждения себе, а позже требовали непропорциональной компенсации. Ему удалось от них отделаться, но повреждения получил он сам, его красавец новоприобретённый Бентли.

Ситуация усложнялась тем, что В ЦУП обещал сегодня заглянуть Генеральный, времени по обыкновению не назвав, и помятый Бентли на единственной парковке перед ЦУПом обязательно бросится ему в глаза. Генеральный непременно поинтересуется и кому нужно подобное представление? Невольно возникнет мысль: «Вправе ли он руководить сложным механизмом ЦУПа, если собственную автомашину не может в порядке содержать?»

Зайдя на минуту свой здешний кабинет, что рядом с залом управления и имел с этой стороны особый вход, которым кроме него никто не пользовался, входя в зал с другой

стороны, со стороны вестибюля, даже не узнав обстановку и случившееся за ночь, он сразу позвонил в гараж жестянщику Паше Короткевичу и попросил его прибыть в ЦУП незамедлительно и неотложно. А тот вместо ответа «Слушаюсь» начал крутить и вертеть, ссылаясь на первоочередные задания и неотложные дела и расставляя очередные дела в очереди по рангу. Он еле сдержался и жестянщика чуть не обматерил, однако сдержался и назначил встречу. Затем, попросив секретаря ни с кем его пока не соединять, посидел за столом закрыв глаза и успокаиваясь, чтобы как обычно войти в зал управления с твердокаменным лицом, на котором никто ничего не мог прочесть.

Войдя в зал, прямо от входа он увидел непорядок. У места оператора «Зари», что из ЦПК, готовясь к сеансу связи сидели постановщики разворачиваемой фермы КГК из Днепропетровска и ненавистный ему особенно в данный момент Сева, который видимо считал, что ему наплевать на цуповские порядки, которые он с таким трудом внедрял, остановив прежнюю околополётную вольницу. Ему захотелось просто скомандовать «Вон из зала», но, подозвав сменного руководителя, он холодно приказал ему остановить беспредел, действуя в рамках принятых недавно правил.

Раньше бессистемно велись свободные переговоры с бортом, хотя и оперативно решали, но могли внести массу недуманного, нигде не фиксируемого и предельно опасного. «Когда пишут, думают», внося подобное требование, рас-

считывал он. А этот Сева считает, что для него и правил особых нет, и нечего вводить свои порядки. С этим нужно разом покончить, и еле сдерживаясь, хотя внешне этого не показывая, он сказал, что намеченный сеанс связи с бортом он отменяет.

До полёта он сам был рядовым в ЦУПе исполнителем и волнуясь выходил со своими вопросами на связь с экипажем, обычно напрямую имея дело с вечным заместителем Руководителя полётом Виктором Благовым, который до этого был проектантом, знал всех и особых церемоний не одобрял. Трудно было представить, что такие специалисты, как Благов, сами находятся у кого-то в подчинении. Основную лётную работу в ЦУПе вёл именно он. Но и при Елисееве он был замом, и после при Рюмине, и когда, наконец, место освободилось и ему казалось сам бог велел возглавить полёт, предпочли космонавта. При нём была доверительная атмосфера, позволяющая мгновенно и неформально решать, но существовала и опасность напороть сгоряча, что в лётной практике космических полётов не имело оправдания.

До сеанса связи оставались считанные минуты. Готовые к сеансу мы сидели рядом с оператором «Зари». Когда в зал влетел руководитель полёта Воробьев. Иначе не скажешь. При виде нас брови его взлетают вверх и последовала вводная.

– Не разрешаю прямое общение с экипажем. Можете под-

готовить сообщение. Изложите свои резоны на принятом бланке и через сменного руководителя передайте оператору «Зари».

Подобное было новым. Поощрялись обычно прямые контакты, чтобы исключить «испорченный телефон», да и космонавтам приятно общаться со знакомыми. Это даже играет роль психологической поддержки экипажа. Негласной, в числе мелких неофициальных деталей, сглаживающих полётные шероховатости.

Объясняться бесполезно. Воробьев безусловно обладает местной властью и решил. Может, даже вопреки всему. Да, и неприлично базарить. На людях «копья ломать». Порядок в зале управления превыше всего. Оставалось только вздохнуть и «сообщение» написать. Дело в общем выдуманное. Потому что, когда мы ушли, по просьбе экипажа постановщикам эксперимента разрешили прямое общение с бортом. Выходит, дело было во мне и в руководителе полётов, а точнее в наших отношениях. История у смены на глазах и её повсеместно разнесли, что ничему не способствует, а свидетельствует, что ты в ЦУПе нежелателен. То есть в дело внесли отношения, чего прежде не было.

Оператор «Зари» был из ЦПК. Более того он был из тех, кто претендовал и надеялся на полёт, но на какое-то время был от подготовки отстранён. О всех, кто готовился или отлетал, в Центре Подготовки Космонавтов складывалось собственное мнение. Оператор даже чуть усмехнулся, считая

подобную реакцию разрядкой за требуемую сдержанность и коммуникабельность подготовки и скромность в полёте. Мол, это послеполётный синдром, но, если он затянулся, он может сулить трудности коллективу ЦУПа, дежурящему сборной командой обслуживающих полёт и представляющему сборную солянку различных подразделений, что делало его уникальным и одновременно мешало делу. Ходили слухи, что новый руководитель задумал эту пестроту упразднить и сколотить однородный коллектив управленцев и анализаторов под единым администрированием. Если до этого верхушка айсберга – команда ЦУПА была в какой-то мере на виду, то впредь руководителем полёта известность и ограничится. Сегодня это изюминка негласных межведомственных новостей.

«Проблемы» с руководителем полётов имели место в Главном зале управления ЦУПа.

Мелочь, конечно, но характерная. Такие кунштюки не по мне. На новом месте и в новом качестве. Впрочем, их не особо брали в голову. Перебрасывались мнениями, пока шли до проходной.

– По-моему у вас что-то личное.

– Да, нет. Ничего. Я всегда считал его мальчиком, не особо заслуживающим внимания. Таким, как и многие.

– Нет, нет. Не спорь. И без микроскопа видно: вы в чём-то пересеклись.

– Не вижу повода. Просто вожжа попала под хвост. Тоже мне герой.

– Не просто, а Дважды Герой.

– Нам на голову.

– Воспринимай его, как проблему климата.

– Да, сходная тенденция.

«Ну, и чучело, – думал я. Выходит, этим бросает мне вызов». Сменный это заметил и даже подмигнул: «А что поде-лаешь? Такие теперь порядки». Мигнул и оператор «Зари». Не нравятся мне такие отношения. С чего не возлюбил? А было время, когда я его просто не замечал. Он был для меня в числе прочих, готовящихся к полёту. Помню его на стадии ожидания, в коллективе ему подобных. Тогда нужно было быть скромным и коммуникабельным. И он был скромен и терпелив. Затем состоялись долгие полёты, и в радиопереговорах он уже позволил себе. На моё замечание и упрёк экипажу ответил: «Сева, хватит заниматься словоблудием».

После полётов его водили по залам управления и объясняли цуповскую суть. Смотрелось это данью обычной любознательности. Кого здесь прежде не водили экскурсией. Он выглядел обычным почётным визитёром, хотя с виду был многообещающе строг. А после утверждения руководителем полётов, появлялся в зале управления «богом из машины», неожиданно, заставляя трепетать.

Существовала официальная иерархия, но было и особое отношение к тем, кто раньше начинал, знал всех и был по-

всюду вхож. Таких можно было по пальцам пересчитать. Это давало нам шанс индивидуальной проходимости, неофициального решения проблем и этикета человеческих отношений. У нас была своя история, и космонавты в нашей среде не казались особенными людьми, при всём к ним уважении. Не выпячивались в нашем присутствии. Не чувствовал и он себя в своей тарелке при этом общении. Такое походило на жизненное, в молодости, когда при всех твоих достоинствах девушки не замечают тебя.

А что мне он? Вроде бы из ничего. Подобные красочки мне на новом месте не светили. Обидней всего, что он из того самого подразделения, что когда-то я с нуля зачинал, а наладив ушёл на вольные хлеба. Понимание тому я не находил, разве что наоборот желание доказать свою самостоятельность. Оставались там и мои друзья-соратники, связанные разве что воспоминаниями. А он после полётов колобком ушёл и от дедушки, и от бабушки. Стал самостоятельным. Да, бог с ним. Ну его к богам, но всё-таки, согласитесь, неприятно.

Слова словами, а стоило задуматься? Не знаю, чтобы такое значило? Но это явно мешает делу. Что он себе вообразил? Он может хочет иметь свое маленькое хозяйство: поросёнка, кур, огород, свой двор, на котором вправе устанавливать порядки. Уклад подобному практичен у селян или он почувствовал себя князьком времён средневековья, окруженным вассалами, с дворцовыми интригами за место под

солнцем? Построить из ЦУПа мир по собственному образцу и подобию. И всё со временем выстроится. «Свита сделает короля».

Есть разные центры сгущения энергии и общения. ЦУП тоже центр. Для кого-то даже и самый главный, а в нём свои идолы. Конечно же временные. Руководитель полёта одним из них. С собственным сводом правил. Договорились так считать. Конечно, он стал руководителем в ЦУПе не по праву. Виктору Благову подлежало возглавить эту кричащую должность. До и после полёты, по сути, возглавлял он. А Воробьев вставлял в них свои короткие реплики. Но так повелось с некоторых пор. Играть в ЦУПе роль свадебного генерала. Например, достойно сопровождать высокое лицо, давая объяснения. Он мог докладывать в Думе и на научной конференции. Ведь он – открытое лицо, а не какой-нибудь серый технарь. Ура. Он этому послужит. Он готов. А Благов на вторых ролях. Как ему это терпится, можно догадываться.

Конечно, и Благов не прост. Политика «дал-взял» присутствовала и в его практике. Бытовым планом. Но всё дело в степени. Кому что. Расплачивались же борзыми щенками в классике. А сын известного авиаконструктора, сменившего профиль на ракетчика, пытался наладить с ним личный контакт и знакомил его с девушками своего круга, что в виде причудливых цветов выращивались до поры до времени в престижных оранжереях обеспеченными родителями. Они были ухожены, образованы, выглядели иначе и знакомство с

ними гарантировало качество, сулило даже возможный ход во влиятельных кругах или по крайней мере обеспеченность, позволяющую заниматься полностью избранным, а не захлёбываться в водовороте житейских забот. Каждый старался, как мог и это выглядело невинным.

Какой всё-таки гад. У нас с ним родственная родословная. Он из того самого подразделения, которое я начинал с нуля. В этом обновлённом подразделении с ним работал и мой приятель Юра Спаржин. Были и другие. Словом, наши отношения были продолжением. Подразделение было разом обезглавлено нелепой историей рыбалки у смежников, что по части управляющих микро реактивных двигателей на Урале. Завязка и согласование закончились там предложением отдохнуть на далёком озере, куда полетели на маленьком самолёте. Сердечнику Димке Князеву со стойкими предпочтениями авиации захотелось на нём порулить. В самолётовождении он не был новичком. За плечами его студенческие годы аэроклуба. В этой командировке он был почётным гостем из Москвы, заказчиком, ленинским лауреатом несмотря на молодость и ему не отказали. Что он был за штурвалом, указывала деталь. Хотя трупы было опознать невозможно, катастрофу обезличил пожар, но его отличила редкая для того времени деталь – модный браслет часов с металлической основой в пластмассовой оболочке.

Рыбалка была чудесная. При обратном взлёте самолёт недостаточно набрал высоту. Он был перегружен и тяже-

ло взлетал. Впереди у границы аэродрома стала преградой кромка леса. И управляющий за штурвалом резко поднял нос самолёта. Получился, как объяснил потом многоопытный Сергей Анохин; «кленовый лист» – самолёт резко задирает нос и потерявши скорость скользит как лист, «назад-вперёд» и утыкается в землю в итоге. Погибли почти все, вся верхушка комплекса. Руководство разом обнулилось и во главе его стал Эдик Григоров, бывший у меня техником, которому я ничего существенного не поручал. У меня он начинал с забавных поручений. В магазине «Пионер» на улице Горького в отделе «Сделай сам» покупал детали для первых стендов.

Я тоже должен был полететь с Князевым на Урал. Я был его правой рукой. Но перед этим мы с Князевым разругались, и я перешёл к теоретикам. Это меня спасло.

Урал, Урал. Там проходили студенческие наши практики. Как и практики военной кафедры. О, эти уральские артиллерийские полигоны. На очередном стрельбище полигон наш включал былые старательские выемки, заполненные дождевой водой. Какое было наслаждение до стрельб поплавать в этой чистой и тёплой воде, годами нетронутой на закрытой территории. Уже объявили стрельбы и снаряды полетели через нас, а мы всё не могли покинуть волшебных здешних «ванн».

От страшного до смешного – один шаг. В военных лагерях студенческой практики под Волоколамском, наш сокурсник

Эдик Курский, отъявленный комсомольский демагог, с важным видом обнимавший трибуны всех комсомольских конференций, во время тренировочных бросков гранат, сорвав чеку, уронил лимонку себе под ноги. Мы с ужасом наблюдали издалека. Решали мгновения. Ассистирующий ему армейский лейтенант, хотел было отбросить её ногой, но промахнулся. Все замерли. Во второй раз он не промахнулся. Он толкнул ошалевшего Эдика, и они упали. Граната взорвалась в метрах от них, не задев.

Ещё запомнилось наслаждение. Ни с чем не сравнимое, когда мы после изнурительного перехода со скатками и оружием в руках влезли на бруствер конечного окопа и наткнулись на заросли спелого боярышника, грозди сочных, непередаваемо вкусных ягод, которые стали итогом, своего рода призом конечного марафона наших учебных военных лагерей.

А с Воробьевым ещё не вечер...

Но как быть? Нужно ли опустить оскорбителя. Сократ в похожей ситуации сказал: «Разве стал бы я жаловаться, если меня толкнул осёл?»

И мы выкрутимся. Обязательно найдём в заборе щель. Мы же по делу. Чего он вмешивается? Хочет показать, кто в магазине хозяин? Вернёмся в другое время и для экипажа распишем всё, как доктор прописал. Воображает из себя? Тоже мне Гудвин – великий и ужасный! Волшебник изу-

мрудного города. Пока что вся его деятельность – надувание щёк, а все проблемы, что вызывают местный затык, решим со сменными и Благовым. Он вообще-то, по сути, не зам. Он в ЦУПе – основной.

О, эта эпидемия звёздности. Заслуги в совсем ином. Человек доказал, что может торчать на беспримерной высоте в удалении от Земли. Долго. И вот тебе на. Поручили полётами руководить.

На руководящие посты назначали ущербных, управляемых. Руководителем ЦПК был назначен Береговой, который полётного задания не выполнил и даже не смог состыковаться с беспилотным кораблём. Автоматически его правильно разворачивало, а он упорно, взяв управление на себя, подходил к «Союзу-2» «вниз головой». Ковалёнок с Рюминым в первом полёте также не сумели состыковаться. Ковалёнок был этим так удручён, что объявил перед посадкой, что, если его на земле попробуют как неудачника арестовать, он применит оружие. Рюмина после этого неудачного полёта назначили полётами управлять и поручили ему весь управленческий комплекс предприятия. Наверное, и Воробьев ущербный. Это мне в утешение.

Впрочем, время лечит. Всё непременно сложится. Следует потерпеть до поры, до времени, но не упустить. Упустишь, он выступит сфингой древних, не склонной ни прощать, ни любить. Он будет не прост. Обволочёт всех справедливостью, задушит в объятых и станет пространно о важ-

ном говорить. Он даже сымитирует науку, добиваясь научных званий и плодя учеников, а по сути, сея околонучный сор, мусор на космическом тротуаре.

К вечеру собрались в местной гостинице, где гостям не терпелось поделиться привезённым крымским вином. К вину ещё кое-что добавили и устроили разбор полёта. Коснулись произошедшего в ЦУПе. Помянули Воробьева. Заспорили. Виктор примирил всех космической мифологемой в форме тоста.

–Задумаемся, что Воробьева трахнуло? Что за болезнь? Использую исторический ракурс. Давным-давно заразила Землю бродячая комета и по планете прошелся вселенский мор. Разновидностью безумия. Каждый вообразил себя Властелином Человечества. Люди перессорились и стали вымирать. Уже порядком вымерли, когда лекари, возможно из славной Гипербореи, изобрели противоядие. Остатки заразы и ныне сохранились в заброшенных местах. Из недр её выносят ключи. Зараза, впрочем, нестойко редкая, с эффектом по убывающей, и на неё махнули рукой. Превентивно с нею не борются, разве что с проявлениями. Вещь хотя и заразная, но избирательная, поражает суперобеспеченных. Голодным не до неё. Заражение до поры, до времени – незаметное. Начинают чудить, избавившись от забот. В народе говорят, мол, «с жиру бесятся». Привалило тебе, казалось, радуйся, живи. Ан, нет. Хочется большего. Зараза, впрочем, как следует не исследована. Считают, сама пройдёт, но временами

показывается.

Выпитое вино способствовало оптимизму и коллективно решили, что нам она не грозит. А что касается заражённых, они вылечатся. Нужно только не раздражаться и не замечать, а, может, даже поддакивать. Нам не дорого и им кайф.

А отношения... Не избалован я ими. Я неприхотлив. Кругом люди как люди. Спокойные и делом занятые. Встречались и змееподобные. Чаще женские особи. Ядовитые из хладнокровных. С такими лучше не связываться. Беда, если им везёт, и они укореняются. Нужен особый глаз заметить вовремя. До поры до времени всё вроде хорошо, а атмосфера не та.

Теснота комнаты мешала работе, но она же и помогала, способствовала быть в курсе всего. Об окружающих я тогда не особо задумывался. Оказавшиеся рядом меня мало интересовали. Загадкой, правда, оставался шеф с его «кощевой иглой»? Сила его, казалось, состояла в том, что делами он, казалось, не особо заморачивался, имел временных соратников. Часть их чаще отваливались выжитыми, с другими сохранялся контакт, на редких он опирался, чтобы выплыть, оставив их самих в трясине повседневности.

Не знаю, за что он загремел на периферию, в глухомань третьей территории? Не знаю и знать этого не хочу. Похоже здесь история цивилизации была забыта и её заново складывают. По-своему. Вдали от всего, без присмотра. Для кого-то это выходит плохо, для кого-то очень хорошо. Не всех тя-

нет перспектива остаться последним героем на затерянном острове. Но если так складывается, почему не попробовать? Авантюристами были всегда нескучные люди и анархизм выдуман неглупыми людьми. На поиски выдан карт-бланш сотрудникам лаборатории. Берись, твори, но только до ума доводи. Точнее не совсем до ума. Рабочий фейерверк, пыль в глаза – превыше всего, а после хоть трава не расти. Я сначала так не мог, воспитан в упорядоченности. Пришлось перестраиваться, чтобы не отстать от поезда, который безостановочно разогнавшись летел вперёд. В прежней жизни, бывало, всякое, но в рамках обычного, а здесь стирались границы привычного и выдуманного.

Каждую должность человек должен занимать на конкурсной основе. Покажи сначала свои способности. Способность исполнить роль. Получать возможность за иные заслуги – сплошное средневековье. Но с такими порядками мы живём. Такое у нас, к слову, на эстраде. В ЦУПе похожий цирк. Хуже. Своя вотчина. Получил назначение и твори. А что не так, совершенствуйся. Добивайся показателей, рапортуй. Так или иначе идёт полёт, априори признанный героическим, а ты при нём. Сам герой и способствуешь героям. А если голова на плечах и к тому же практическая сметка, действуй. Повезло, дорвался, не теряй времени. Окучивай. Полный вперёд!

Теснота рождает доверие. Находясь постоянно рядом, я невольно становился свидетелем доверительных бесед лич-

ного характера. Был особый этап нашего территориального общения. Возвращаясь вместе с работой, мы шли какое-то время бок о бок вытянутым парком, именуемым официально парком Победы, но его правильной было бы назвать Парком Слез. О сколько вылило их здесь мне на грудь. Не знаю, то ли он страдал, то ли умело претворялся, но мне тогда было его искренне жаль. Это была «Тысяча и одна история, как его подставляли». Жалобы шефа звучали порой весьма убедительно. В этом театре одного актёра и зрителя я ему сочувствовал, поражался несправедливости, что, по его словам, сплошь и рядом вываливалась на него его самыми близкими, от чего он страдал и нуждался в сочувствии, не получая, а чаще и исхлопатывая дополнительно. Была тогда такая полоса. Иные темы были редкими вкраплениями.

Здесь проходила оборона Москвы и от тех времён остался глубокий контрэскарп и по склонам его, двигаясь то вверх, то вниз мы беседовали и я получил доверительный факультатив его истории предательств и подстав, от чего страдало его изношенное сердце и который дорогого стоил ему и тем самым я как бы был допущен и вошёл в ограниченный круг доверенных лиц. Сочувствовал ли я ему? Конечно. Мне его было жалко. Передо мной был раненный, но не сдавшийся человек, у которого была своя идея, которую я ещё до конца не понимал, а присутствию её лишь сочувствовал вслепую.

В парке среди берез и елей застыла памятником 100-миллиметровая грабинская пушка, принятая на вооружение в

военном 1944 году, и несчастный мой шеф пересказал мне своё полное собрание сочинений коварств и предательств, коих было великое множество, и я сочувствовал ему как мог. В жизни его подводили бессчётное количество раз и теперь поверив, что это поветрие закончилось, он спешил мне всё пересказать и тем самым как бы отправить минувшее в небытие, а я слушаю и сочувствовал ему до конца парка. Дальше наши пути расходились. Я шёл на станцию, а он в новостройку, жилой массив предприятия, где имел жильё в доме, выстроенном методом народной стройки.

Матримониальные истории шефа выглядели иначе. Они смотрелись искорками праздничного салюта, метками успеха, подтверждением того, что и по этой, как и прочим частям, всё будет хорошо. «В бывшем отделе царила семейственность. – рассказывал он о минувшем месте работы. – Жена зама начальника отдела оформлена старшим инженером. Красавица, умница. Трудились бок о бок и что-то наклёвывалось. Неявно. Царило в воздухе. Прихворнул я раз, простудился и бюллетеню. Звонок. Приходит она с тортиком от коллектива. Приглашаю в комнату. «Раздевайся», а сам на кухню, поставить чайник. Возвращаюсь, а она голая, дрожит, ждёт».

За подобное его даже ненавидели, а он игнорировал. К слову сказать, до поры до времени любовные «американские горки» ему боком выходили, и в результате он чаще оказы-

вался «не на коне, а под конём».

Мелькали будни и праздники. Накатил очередной. Я не успел ещё как следует освоиться и было некое самодельное застолье в большой комнате из пронесённого через проходную. Но этим не закончилось. Я угодил в обойму избранных. Нас ожидала заказанная машина. Минивэн. За проходной случайно встретили руководителя. Попутно подвезли его. Он чего-то ждал, но поехал с нами. Михаил Мельников своей собственной персоной, и я стеснялся своего состояния, хотя испытывал легкий кайф от выпитого. Не помню толком куда его подвезли и как мы очутились в Москве. В одном из новых районов, в большой и прибранной квартире. Празднование продолжалось.

Я был напуган. Меня поразил размах. Я словно попал в некий производственный комбинат сферы удовольствия. Удобно и с размахом организованный. Постоянная съемная квартира, когда в стране дефицит жилья. Обычно скрываемое выставлялось напоказ. Приезжие из разных городов. Позже что-то объяснилось. Приезжим – смежникам, постановщикам бортовых экспериментов из разных городов проще было снять частное постоянное жилье. Красотка Милана, протеже Берлатого такое наготовила в этот раз из с собой привезенного с Украины. Пальчики оближешь. Всего хватило и выпить, и закусить.

Я был удивлён. Всё это выглядело за пределами принято-

го, обычного. Жизнь, известная прежде мне лишь по рассказам и книгам, разворачивалась передо мной цветным сериалом. Остальным таким она, наверное, не выглядела и была в порядке вещей.

Большую светлую соседнюю комнату занимала собственно лаборатория. Столы кураторов бортовых экспериментов выстраивались в ней в три ряда. По возрасту старшей в комнате была Светлана Тихомирова.

Будучи общим местом, ЦУП служил родником не только полётных новостей. Руководитель полёта в нём был новой метлой, что по-новому мела. Это было не безразличным и многих касалось. В лабораторию новость сорока на хвосте принесла. Сорокой на этот раз стала Светлана, курировавшая блок долгоиграющих бортовых экспериментов и проводящая большую часть времени во втором, вспомогательном зале ЦУПа. Её можно посчитать любознательной, а цуповские злоключения новенького интересовали лабораторию.

Как в любом сложившемся или новосозданном коллективе были свои правила, которые позволяли стихию обуздать и выстроить механизм, именуемый официально управлением полётом. Было в нём нечто особое. На свои рабочие места в подразделения КБ приносились отсюда непосредственные новости о ходе полёта. В них в отличие от бравурных тассовских сообщений скорее присутствовал иронический тон с сочувствием к летающим и оторванным от земного. Особой критике подвергался и сам аппарат управления, начиная со

сменного до руководителя. Специфика состояла в том, что всё здесь проходило на виду, а не в отдельных кабинетах и исполнители и начальство работали вместе в зале управления.

Иногда на балконе над ними появлялись посетители и было неизвестно кого в этот раз бог сюда занёс: любознательных школьников или руководителей государства. Привлечённые из отделов обычно располагались в подсобном зале управления на втором этаже. Здесь были свои мониторы и царила вольная атмосфера. В главный зал спускались для переговоров с бортом и непосредственного участия в бортовых операциях, а также по вызову руководства полётом. Остальное время проводили в техническом. Из ЦУПа мгновенно распространялись полётные новости и нюансы полёта. Снабжавшую новостями Светлану в другом бы месте обозвали сплетницей, но не здесь. У нас она числилась старший инженером лаборатории полезных нагрузок. Забавны бортовые термины. Как будто другие полётные грузы – бесполезные и каждый полётный грамм не был ценою серебра.

Вернувшись со смены, Светлана покрутила головой: «Ой, такое было», а затем обстоятельно пересказала подробности. Всё это было важным, ведь в ЦУПе реализовалась работа лаборатории и атмосфера там определяла, как она пойдёт.

В большой кураторской комнате зрели собственные плоды бытовой философии «Почему, да отчего?» Отчего новенького не посадили со всеми в их большой комнате? Что-

то задумывается и чем оно грозит всем? Они и так реально пострадали в минувших пертурбациях, хотя и верили, что шеф вывернется. Удача не оставит счастливица и лабораторию. Блажен, кто верует, а если ничего не остаётся, то поневоле махнёшь рукой. Но нововведения настораживали, а кульбиты в ЦУПе удивляли. Цуповские порядки казались схожими с дорожными правилами, и ведь бесполезно спорить с ГИБДД.

Случившееся можно было посчитать неким негласным началом. Фрагментом чего-то крупного, неофициального, существовавшего до сих пор. Прежде на первом плане была работа и несущественны отношения. Отношения складывались само собой. Теперь выходило, наоборот, и что из этого получится становилось загадкой? Тем самым был разом сдвинут и заскользил огромный наработанный пласт работ.

По КГК – Крупногабаритным космическим Конструкциям мы с Воробьевым не чужие. Нас можно смело назвать пионерами КГК. Работали рука об руку. Он в открытом космосе, я на связи с ним. У нас тогда было полное понимание. Теперь иная ситуация: «нос к носу и глаза в глаза», а понимания нет. И возникало сомнение: лучше ли новое устоявшегося и заслуживает ли права быть? Тем самым перечёркивалось и нечто большее – правомерность сложившегося порядка. А может в его основе всего-навсего бытовой садизм. Удовлетворение болезненного эго.

КГК земные и космические.

Почему подобное отношение ко мне? Когда-то мы были на разных ступенях служебной лестницы. Он был для меня в массе готовящихся. Таких полно в «греческом» зале. Со всеми он, правда, в зале не сидел, крутился в своём комплексе. Том самом, что возник моими усилиями.

Когда-то я начинал. Написал отчёт по двигателям и доложил его с подачи Раушенбаха перед Келдышем, Петровым, Ваничевым. А с переходом в ОКБ к Королёву начинали вдвоём с Князевым. Теперь это комплекс и им руководит Эдик Григоров, что был у меня техником, которого я в основном в магазины посылал покупать первые приборы для стенда.

Теперяшний смотрелся мальчиком, когда тогдашний руководитель полётами и всеми лётными работами Алексей Елисеев спросил меня, советуясь:

– Кого выбрать на полёт? Сереброва или Воробьева?

Я был в затруднении. Не нравились мне ни тот, ни другой. Серебров по личным качествам, а Воробьев? Стоит на его компанию взглянуть.

Мы редко пересекались. Разве что на космодроме, где он командированными из ОКБ руководил. Но всё это вскользь. Он был тогда для меня слишком незначительной величиной. Не свой и не посторонний. Невидимые нити связывали нас.

Серебров или Воробьев? Серебров отлетал раньше.

Не думаю, что он ничего не понимал. При всей теперешней исключительности и обласканности ему светили лишь заслуги организационные и оставались скрытыми глубины,

о которых он подростком мечтал. Основы основ. Познание физических закономерностей мира, что таит вселенная, что скрыты до последнего времени в недрах атома и чудовищно реализованы и до истинного настоящего ему далеко. Обладая трезвым умом, он понимал, что этого ему не дано и время ушло и оставалось только разделять и властвовать внутри микромира зала управления и комплекса.

Ещё требовался истинно преданный человек. Он повсюду его искал, часто ошибаясь, но не сдавался и продолжал искать. Им мог оказаться любой, карьерист или скромная девушка. Важна их внутренняя суть. «Преданный без лести» сказано о таких. Нет, лесь не помешает, а скорее поспособствует. Кому-то он помогал и как безответный альтруист. С виду получалось похоже. Отличие состояло лишь в том, что там добро выдавалось бескорыстно, а тут с умыслом.

Легко красоваться перед пионерами или студентами. Но если разобраться по большому счёту, сумеет он себе и обществу доказать полезность и что он не лыком шит и не по тому, что за полёты стали Героя давать. Всё это было надуванием щёк и, оставаясь позади, хотелось настоящего. Всё это – игрища, цирк и по шкале ценностей где-то внизу.

В моих глазах он был и оставался клоуном. Из тех, что расплодились повсюду в разных масштабах. Во всемирном масштабе – Трамп и в фильмах-ужастиках. Страшные в маске благопристойности. Ведь клоун – синоним веселья и в

жизни разных. Оставалось разобраться у нас он какой?

Красные носы смешат в витринах и куда серьезней клоуны в жизни.

Пытаюсь понять, вообразивши себя в его шкуре. Конечно, Руководителю полётами не просто. Не просто себя превозмочь. Хотелось, наверное, не кривя душой, подняться над надуванием щёк и мыльных пузырей к секрету их устойчивости. Всё это, думаю, он отлично понимал, но сильнее жажда воссиять на научном поприще. Недоступном пока.

Легко поверить, что ты такой необыкновенный, когда нелегкое позади. Но ты-то знаешь о своих слабостях и как самому себе внушить, что в том, что о тебе теперь повсеместно говорят, и есть истина. Не нужно быть большим плутом, чтобы верить в это, но нужно время, чтобы себя в этом убедить. Ведь в подсознании есть сомнение, если ты не кретин. Сомнения нужно давить. Добиться, через себя переступить. Да, существуют минуты истины в бесконечности часов, но ради них нельзя отказаться от заслуженного. И в главном не ошибиться. Тому налицо подтверждения. Все, кого он выделил, подстраивались к нему, чувствуя то ли родственную душу, то ли коммерческий интерес. Скорее и то, и то. Что составляло скрытый смысл. Они были разными, но этим похожие.

Официальная аллея славы.

Ах, эти крутые ступени служебной лестницы. У каждого свои ходы. Легостаев, устав бодаться в комплексе, предложил Генеральному выгодный альянс – готовить научные статьи и подписывать их вдвоём. Идея понравилась, и он сразу был вознесён в замы по научной части, обеспечив тем самым карьерный рост и великие проекты, такие как «Морской старт». Перед смертью он даже стал Генеральным конструктором корпорации.

Проектант Лёня Кувшинников по слухам за успешную

защиту докторской помог карьерному продвижению своего подчиненного, нужного родственника и его выходу на международный горизонт. Но всё это сплетни, которым не хочется верить, хотя нередко в них присутствует доля истины.

Главное, что на любом посту нужно оставаться человеком. А страсти ЦУПа – буря в стакане воды, и со временем всё устаканится. Важнее ладить с окружающими.

Светлана как правило пропадала в ЦУПе большую часть времени. Работа там не была сплошным бдением. Горячки сеансов сменялись долгими паузами и были глухие витки. В то время не было ретрансляторов. Этих пауз хватало всем кости перемыть, что и обычно случалось на деле, и Светлане доставляло удовольствие быть в курсе всех кабевских сведений. Дежурившим женщинам они виделись из серии «как, почему и зачем». Всему давалась оценка. Насколько она была верна, не ей судить. Пожалуй, она была детальней сведений официальных. Светлана воспитывалась в детдоме и считала себя социально обездоленной, так уж сложилась её жизнь. Для неё будто и был создан лозунг: «Пролетарии всех стан соединяйтесь». Но призыв до поры до времени был практически нежизненным и вот время его пришло.

В перестройку она была выбрана в совет трудового коллектива отдела и ожидала решительных действий. Расследований, жарких объяснений с администрацией, что шли по всей стране, о которых писали газеты и вещало радио. Но в отделе царили апатия и тишина. Председатель совета пре-

ступно на всё закрывал глаза. По её мнению, он и избран был по рекомендации начальства именно для того, чтобы гасить страсти, рассуждал по-своему: «Пройдёт перестроечная горячка, вернётся всё на круги своя, а нам с этим дальше жить». Мещанская философия, трусливая до мозга костей, не перестроечная.

Когда наступила перестройка, она прежде всего подумала: «Вот оно. Наконец. Пришло время шерстить этих жирных котов». Так она думала о начальстве. Начальство она патологически ненавидела. «Это те, что дорвались и поимели всё». Светлане казалось, что наконец наступило и её время. С открытой душой она приветствовала новообразование Совета в отделе, членом которого успешно стала и ожидала справедливости. Она лишь недоумевала, отчего до сих пор не началось? Ей было с чем выступить и на чём в первую очередь настоять. Можно сказать, накипело и должно, слава богу, закончиться. Другие члены Совета её ожидания не поддерживали, а Председатель даже намеренно тормозил, чем бесконечно её волновал. Конечно, жизненный опыт её взывал к осторожности. Но сколько можно тянуть, когда у других потрясения начальства налицо? А о какой справедливости может идти речь, если в лаборатории, например, премии распределяют так, как бог на душу положит, а точнее, как понравится начальству. Она, например, в ЦУПе дежурит по ночам, а премия больше у бессовестной Машки, блатной с ног до головы и отличающаяся услугами начальству. На днях

она пристроила шефова Петю на каникулы в льготный спортивный лагерь.

История в ЦУПе явилась деталью некоего негласного начала – утраты уважения к протоптавшим общую дорогу. В КБ намечалась смена поколений и в самых верхах. Руководство предприятия представлял ещё на глазах редеющий слой основоположников, начинавших и вынесших становление ракетной техники на своих плечах. Новое поколение, жизнерадостной толпой подступало к верхам и меняло начисто сложившиеся порядки.

Воробьев застрял занозой для меня. Вспомнился очередной День космонавтики. Этот особый официально подаренный нам день. Отлетавшие ошивались где-то в верхах, а не летавшие отмечали скопом, без жён в центре Хаммера. Были среди них и две женщины-претендентками в ОКБ: Наталья Кулешова и Ирина Пронина. Остальные в будни сидели скопом вместе с Анохиным в греческом зале. Центр международной торговли тогда казался пределом роскоши. Напоённые светом пространства. Стекло и металл. Пальмы в кадках. Металлические скульптуры. Прозрачные лифты ползут по стенам. Одно из престижнейших мест Москвы и готовящаяся к полётам шелупонь кучевалась теперь в его отдельном кабинете.

Я был там тоже и вместе с женой. В кабевской иерархии я был рангом выше нелетавших космонавтов.

Собрались и начался всеобщий плач. Отчего, мол, так далеко долгожданные полёты? В центре Хаммера проходил тогда международный шахматный турнир и президент шахматной федерации, уже прославленный космонавт, депутат и признанный герой, наш коллега Виталий Севастьянов заглянул к нелетавшим на огонёк вместе с чемпионом мира по шахматам Анатолием Карповым.

С Анатолием Карповым мы тогда всласть пообщались, потому что входили в особенный круг. А Воробьев... Может он даже мне позавидовал тогда. Не исключено. Вспоминаю его тоскующий взгляд. Были мы тогда с ним в противоположных качествах и, возможно, это запомнилось. Нас с женой Севастьянов выделил из массовки и пригласил продолжить праздник к себе домой, на улицу Горького. В дом напротив Моссовета, где жил тогда и диктор Юрий Левитан.

По дороге Виталий бахвалился:

– Я здесь разворачиваюсь, хотя и запрещено. Постовой действительно откозырял.

– Постовые нарушения не замечают.

Это было особенное время начала космонавтики. В квартире Виталия бросалась в глаза стенка со старинными иконами. Гостеприимный хозяин угощал душистым греческим коньяком.

В КБ не принято было рассказывать о минувшем. История в коллектив просачивалась каплями. Двери лаборатории

выходили в коридор, скудно освещенный электрическими лампочками. Напротив, на фанерном щите висела настенная газета, оставшаяся от прежних времён. Её не меняли, и она была привычным аксессуаром, напоминанием о прежних хозяевах здания. В коридоре было полутемно и трудно читать. Как-то я прочёл заметку этой вечной газеты, и она поразила меня. Она была воспоминанием, памятью военных лет. Краткий эпизод в казанской шарашке. Громкоговоритель во дворе КБ тюремного типа транслировал концерт классической музыки. Зэки слышали, как бы привет из прежней жизни. Гамму чувств дарила им бесправным и оторванным от мира эта музыка, напоминанием былого и надеждой на будущее. Автор заметки видел рядом лицо будущего Главного конструктора космических кораблей, а пока заключенного шарашки, по которому катились слёзы. Заметка напоминала историю, далёкую для нас, как рисунки кроманьонцев.

Хотя нет исключений из правил. Ареалом прошлого был для нас кабинет Михаила Васильевича Мельникова на втором этаже. Михаил Васильевич был заместителем Королёва и участвовал в разработке маршевых двигателей, работавших в космосе, а теперь перспективных энергетических ядерных установок и при этом, при всём был златоуст и говорун. Нас, коллег его по прежней работе, он приглашал в свой кабинет и заговаривал насмерть. Это были истории местного «Ираклия Андронникова» на около космические темы.

Жаль, что эти сказания не записывались.

Территория наша именовалась «островом свободы», была на отшибе и посещалась начальством в исключительных редких случаях, бывших наперечёт.

Лунная дорожка к счастью, которое нам не удалось с лунной программой.

Наши отношения с шефом узаконились. Интуитивно я что-то чувствовал и тормозил. Случались, правда, застолья

«по поводу», на одном из них меня понесло. Бог награждает всех по-разному. Мне обломилось то, о чём я и не подозревал. Редкий и мало используемый дар красноречия. Ещё в школе пророчили мне лавры гуманитария, что походило на подарок с намёком, как лавровый венок от вождя племени каннибалов. Правда, в какой-то мере я время от времени подобное подтверждал, написав как-то раз на контрольном уроке сочинение в стихах, хотя и упорно развивал в основном способности к математике.

Время от времени, особенно в подпитии на меня накатывало, тянуло красиво говорить. У шефа в застолье я разразился о тыле мужественных жён.

– За Надежду Николаевну, – упомянул я молоденькую хозяйку дома.

– И Анетту Кирилловну, – быстро добавил шеф.

– И Анетту Кирилловну, – добавил я автоматически, недоумевая, она-то причём? Не подозревал я об их особых отношениях, как и о многом, выступая ради «красного словца». Стас – муж Аннеты тоже присутствовал. Он наш общий сослуживец. Характеризуя его, я отмечу, что Стас- красавчик, но слабоволен и не боец. Соседство с шефом для него – глубокий омут и он смирился с тем, что его ждёт. Он извлекает даже пользу для себя. Сдают ведь в наём жилплощадь и вещи. Мне жаль его. Бог ему судья.

В терминах кадровой политики шеф был вечно гонимым.

Там и сям, как правило, изгоняли его за самоволку. Подразделение своё он при этом не терял. Сотрудники верили ему и шли за ним, рассуждая: «Не там, так тут». Их звали «кабевскими цыганами». Наконец, они нашли приют на третьей территории, в отделе Берлатого. Лаборатория и тут представляла своего рода вольный табор. Надзор над ними осуществлял в какой-то мере Виктор. Семейные передраги сделали шефа невыездным в те времена.

Международное сотрудничество в космосе тем временем ширилось. В закрытом ОКБ открыто застучал колёсами поезд международного сотрудничества. От отдельных экспериментов перешли к международным полётам. Слетал на неделю в космос даже первый французский космонавт. Во время визита во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва договорились о втором полёте француза на станцию «Мир». В исходном совместном совещании участвовал шеф, а на второе, уже во Франции он предложил меня. Наверное, это стало ударом для Виктора.

Виктор был обычно с нами и одновременно где-то ещё. Теснота рождала общение и секреты становились секретами полишинеля. Шеф спускался с высот первой территории, и они с Виктором обменивались репликами.

Был я тогда в новом качестве, ещё никто и никем и не вникал в их глубокомысленные разговоры. Что-то у них не ладилось. В целом. Неутешительный итог. Они обсуждали ситуацию.

– Признайся, мы в этом самом по это самое.

– Нам нужен ход, – задумчиво размышлял шеф, – нестандартный.

– Вроде хитрости Кира против мидийцев, выставившего вперёд верблюдов., – откликнулся Виктор, – Помнишь?

– Да, что-то с верблюдами.

– Незнакомого верблюжьего запаха испугались мидийские кони. Или эффект Майнерцхагена. Когда по его задумке на турецкие позиции сбросили набитые опиумом сигареты. Изголодались турки тогда в окопах по куреву и накурились до одури. Сопротивление – ноль. Британцы легко взяли и Иерусалим, и Палестину.

– Нужна изюминка. Без трюка, – уныло подвёл черту шеф, – потуги наши – пусты.

И кто тогда мог подумать, что нужный ход подскажу шефу именно я. Поднесу на блюдечке с голубой каёмочкой. Не сразу, но всё же сработает «ружье», повешенное этим разговором. Однако обо всём по порядку.

Время от времени Виктор выходил в народ и консультировал кураторов, отвечая с улыбкой на любые вопросы. Каждому по-разному. Мне он отвечал, казалось, несерьезно. «Почему, – спрашивал я его, – он не ходит на первую территорию, на совещания, где решается многое?»

– Разделение у нас, – отвечал он. – Верха – епархия Владимира. Моё правило – подальше от руководства. Там особенный синклит и окружающим нужны особые свойства. Про-

текции мало. Как учит история? Говоря об Ироде, называют его Великим. За что? Не за историю с младенцами. За злодеяния не станут хвалить. Умелая лесть помогла Ироду ужиться с разными римскими императорами. Лстить нужно уметь. Оно везде – вечное, проверенное.

Виктор уже, казалось, прижился, и всё-таки не был своим. В коллективе лаборатории он вёл себя как иностранец. Он был вежлив, корректен и не более того. От него не веяло теплом, которое сближает. Он не делился, не жаловался и о нём в отличие от остальных мало знали. Практически не знали ничего. Работе это не мешало, скорее способствовало, но он был не свой. С научным институтом, из которого он перевёлся сюда, его связывала деловая пуповина. Телефонные разговоры, какие-то статьи для выходящего сборника, как будто от них он временно ушёл и вернётся. С лабораторной когортой он действовал как научный консультант, в отличие от остальных внешнему миру был открыт и вёл переговоры с заграницей. Курировал международные бортовые эксперименты, редкие пока, которые формально прикрывали сотрудники ИКИ и он считался по легенде из них, когда ездил за границу.

Не знали куда пристроить и некий вспомогательный административный аппарат проекта «Союз-Аполлон», созданный руководителем проекта Константином Бушуевым по западному образцу. Этот конгломерат секретарских «бумажных крыс» и переводчиков размещался в нашем корпусе на

третьем этаже, куда его отфутболили «с глаз долой» с первой территории.

Избыточный кадровый резерв был руководству «бельмом на глазу», его следовало озадачивать и «мытьем и катаньем» начали присоединять к кураторам, осуществляя некий анабиоз созидателей и управляющих. На них поначалу с охотой грузили организационные хлопоты с билетами, общие переговоры, контакты с министерскими чиновниками из бластных, устроенных в выдуманные надстроечные органы вроде Главкосмоса, без которых прежде прекрасно обходились. И постепенно забирая вожжи, они превращались в определяющих и диктующих. Всё это, впрочем, свершилось при нашем попустительстве.

Плюсом бушуевских остатков было то, что они прошли оформление проекта «Союз-Аполлон». Как говорится, «трижды проверенные», в контакте с директивными органами. Кое-кто из них даже съездил на выставку в Канаду с экспонатами первых космических кораблей, но в целом этот коллектив находился в ждущем состоянии, готовый вцепиться в любую синекуру, связанную с границей.

Они охотно брали на себя неприятные организационные хлопоты, совсем не касаясь сути дела. Как позже выяснилось, это и стало «ахиллесовой пятой» кураторов экспериментов, но когда они это поняли, было уже поздно.

В очередной энный раз Виктор с сопровождающим из оргпублики оформляли поездку в Париж. По мнению сведу-

щих в серии длительных совместных бортовых экспериментов наметился было застой и вдруг что-то зацепило и поволкло, и стало интересно их продолжать, так что очередная поездка во Францию не только была итогом и надеждой на перспективы.

Со всех сторон мы окружены секретами. Кабинщицы со старинными наганами стерегли секреты в проходной. Пропитые рабочие тетради, опечатанные отштампованным пластилином, сдавались на ночь на хранение в первый отдел. А зарубежный кордон преодолевался разве что в фильмах о шпионах. И вдруг всё разом рухнуло. «Салют-6» стал не только международной станцией. Для ограниченного контингента сотрудников он стал как бы дверцей в волшебный мир за холстом с похлёбкой в каморке папы Карло. В основном они были из вновь заявленного блатного ИКИ, но и от предприятия в состав попала пара человек, Виктор и переводчики, что съездили за рубеж с начальством. Начало этому было положено предыдущим проектом «Союз-Аполлон», открывшим заветную дверцу. Директором проекта с советской стороны Бушуевым даже было создано особое административное подразделение, некий секретариат с оформленным общением, отпасованный за ненадобностью на третью территорию с завершением проекта и теперь затаившийся в ожидании.

Для зарубежного оформления мало было мандатных комиссий и нужен был еще и сертификат по здоровью, что-

бы избежать возможных закордонных медицинских затрат. И был налицо домашний секрет полишинеля, семейная тайна, которую разрешали, послав на медицинский тест другого родственника. Со схожим составом крови и неизношенным сердцем. Такая доморощенная подстава могла решить в нашей закрытой поликлинике проблему желанной бумажки, имея которую можно было спеть торжествующе: «У нас с тобой билет, у нас с тобой билет...»

Практика подключать к куратору сотрудников бывшего бушуевского секретариата заменяла сотрудников ИКИ и решала свои кадровые проблемы. В очередную заграничную поездку отправились Виктор и Собачкин из секретариата-переводчиков. Закончив обсуждения и подписав протокол, они получили приглашение французского куратора, своего рода их визави, отметить завершение этапа у него за городом. Внепланово отлично отметили, а затем на парижской улице Виктор вырубился. В гостях у француза-смежника, ответственного за эксперимент с французской стороны, они выпили вина, что могло рассматриваться, как криминал и грозило повлечь последствия. Поэтому хоронили Виктор торопливо и без вскрытия.

Беда стряслась с ним в Париже на улице Ренн близ Та-ти. Скорее всего причиной стали порядки. В заграникомандировках предписывалось непременно быть в костюмах и при галстуках. Это при тогдашней жаре в тридцать градусов. В реанимационной машине Виктор пришёл в себя, виновато

улыбнулся и канул в Лету. Не удалось его оживить, и теперь мы собрались получить труп и его захоронить. Сослуживцы и родственники. Ответственным шеф назначил меня, хотя мне это не светило. Я даже считал себя чем-то этому поспособствовавшим. Подключение меня к полёту второго французского космонавта стало для Виктора знаковым. Хотя поначалу он вида не показал, но и ежу было ясно, что это конец его выездной монополии. За что такое ему? Только им с шефом осталось известным.

Я отправился в грузо-приёмно-таможенный пункт, куда прибывали грузы из-за границы. Там уже собрались родственники. Сначала я принял за вдову женщину в черном платье. Не красавица она и не безобразная и выглядит достойно на мой взгляд: незаплаканная, не растрёпанная и ведет себя так, как и должна. Не ища сочувствия и не делаясь горем с окружающими. Да, случилось непоправимое, произошло и такие обстоятельства, в которых на окружающих ей наплевать и ей всё равно как на это посмотрят. Она сама по себе, она – самодостаточна. «Так нужно выглядеть, – подумал я тогда, – именно так в подобных обстоятельствах». Но я ошибся. Мне показали другую, вдову с заплаканными глазами и вспухшим лицом.

Внесли гроб, и вокруг запричитали. Гроб установили на подставки. Он был закрыт и запаян со всех сторон. Родственники окружили его. Внезапно вернулись служащие, подняли гроб и унесли. Оказалось, спутали. Запаянный гроб при-

был с Кубы. Принесли другой, красивый, с ручками и окошком, через которое было видно мертвое викторово лицо. Со стороны родственники выглядели виноватыми. В чём их вина? Светлана Тихомирова в узком кругу утверждала мухлѐж со здоровьем Виктора. Перед поездками командированных тщательно обследовали. «Не хватало, мол, ещё оплачивать лечение за рубежом!» А обнаруженный викторов изъян (сердце барахлило) семья постаралась прикрыть. Да, и как такую возможность упустить? На семейном совете решили послать на повторный осмотр в клинику племянника, самого здорового или ещё кого. Теперь невозможно глядеть друг другу в глаза. «Изобретатели. Нахимичили, а кому выгода и что будет теперь с семьей?».

В лаборатории искренне жалели Виктора. Перед глазами была его супруга с подругами. Но безутешной выглядела Надя.

– Хорошие долго не живут, – кусая губы, повторяла она. – Несправедливо, но факт, против которого не попрѐшь.

Она с печалью замечала, как многое безвозвратно уходило из её жизни. Безвозвратно. Она как тот бедуин, что искренне стремился в пустыню, и теперь наедине с пустыней навсегда.

Встреченную мной в кабинете начальника отдела зовут Мариной. Она инженер-физик. Сослуживцы ещё за глаза именуют её Глюмдадьклич за её высокий рост. Бросается в глаза, что она очень высока. Выше меня на голову. Мы сбли-

зились при особых обстоятельствах. Случилось следующее.

Жена Виктора разбирала его записи и среди бумаг нашла нечто со словами «совершенно секретно». Подчеркнутое. Думая, что в этом что-то важное, она решила принести на виковоруву работу. Кроме шефа она никого не знала, а его на месте не было, и она подвезла кипу листов к проходной.

В проходной её естественно не пропустили, и она оставила листки кабинщице, которая после смены передала их не шефу а в первый отдел территории. Там проявили бдительность, создали комиссию и выпустили приказ с целью установить степень секретности. Собственно, ничего в этих бумажках важного не было. Рядовые записи. И всё бы ничего, но Виктора, видимо дурачась, даже подчеркнул «Совершенно секретно». Это и смутило режимщиков.

В комиссию угодили и мы с великаншей. Бумаги Виктора прочли и для заключения собрались в пустовавшем кабинете Мельникова. Кроме меня с великаншей в комиссию вошли Лидия Федоровна, женщина неопределённых лет из бывшего бушуевского секретариата и представитель первого отдела с первой территории. По сути, он был в комиссии самым важным Мы же рядовыми членами. Согласно существующим правилам, назначили встречу и ожидали его прибытия. Он уже опаздывал на сорок минут.

Первой не выдержала Лидия Фёдоровна.

– Какое безобразие. Некогда мне заниматься этой чепухой. Не буду я ждать. Давайте, подпишу и гори оно синим

пламенем...

Она имела ввиду протокол. Расписалась на чистом листе и ушла, и остались мы с великаншей вдвоём. Режимщик нагло задерживался. Заглянула секретарша и сообщила, что сотрудник первого отдела задерживается и можете начинать без него. Он позже подпишет заключение. Подождали ещё и наше терпение начинает иссякать. Встаём и ходим по кабинету, останавливаясь у окна.

– А что если этот мерзкий тип вообще не придёт или ожидать его придётся день и ночь...

– И ещё день и ночь...

– И ещё...

Мои глаза на уровне её груди. У неё красивая грудь. Лучше с ней разговаривать сидя.

– А что, если... – начинаю я и она с полуслова понимает меня, – если...

– Я думаю да...

– Нет, я...

– Понимаю.

– Я только хотел предложить...

Она выходит в секретарскую, спрашивает:

– Есть у вас поднос?

– Блюдо... Меджиеи?

– На чём вы носите МихВасу чай... и спички.

– Нет, спичек нет. Есть зажигалка.

Представляю как секретарь заносит МихВасу чай. Обяза-

тельно в подстаканниках. МихВас непременно любитель старины. Он немного чудной. Это его данность. Он герой и лауреат и всё такое прочее, а пришедшего способен заговорить. Насмерть. Придумывали способы спасения. Звали к междугороднему телефону.

Неважные записи. Но их при желании можно истолковать, представить особым секретным материалом для передачи кому-то и куда-то. По-своему истолковать. «Зачем делать записи в неоформленных бумагах и дома? Не затем ли, чтобы их куда-нибудь передать?» Так рассуждая, легко зайти в непроходимые дебри. Мало не покажется. Способно отразится на семье.

По обоюдному согласию мы на подносе сжигаем бумаги, и они на нём теперь кучкой пепла, рядом с протоколом

Такое пришедшему, наконец, режимщику не могло понравиться.

– Да, вы... Да, я... Это нарушение... Не соображаете?

– Будете подписывать протокол.? Остальные подписали.

– За это ответите... Кто из вас решил?

– Решила комиссия.

– Вижу не соображаете... Да если я... Так я вам и поверил...

– Ваше право. Есть акт. Подписывайте. Нечего тянуть кота за хвост. Не хватает только вашей подписи...

И он подписывает. Он – последний, как принято выра-

жаться у суеверных космонавтов крайний. А что остаётся ему, хотя не ясно чем дело закончится? Режимщики – особый народ.

Инцидент завершается бескровно, хотя и в нарушении порядка, но, в общем и целом, можно сказать, обошлось.

С тех пор мы с великаншей испытываем друг к другу симпатию. Киваем при встрече, вспоминая шутим:

– А что, если я не подпишу?

– Заставим.

– Настаиваете? Да, вы в своём ли уме?

– Трудно сказать.

Нам вместе просто. Мы одинаковые и общаемся. Обмениваемся книгами. Мы – физики-лирики. Должно быть забавно смотреть на нашу пару со стороны.

Виктора не стало. Некем заполнить возникшую пустоту. Возможно, это исходным моему сближению с ядерщицей-великаншей. Помогли друг другу в трудную минуту. Между нами ничего кроме симпатии. Да, и не могло быть. Мы разной породы, но без слов друг друга понимаем.

Встречаемся иногда как старые знакомые, доброжелательно кивая при встрече. Она сверху вниз, я на уровне её груди. Наверное, комично, когда кавалер смотрит на подругу снизу вверх. Но мы этого не замечаем. Нам просто удобно вместе. Разницы в отношениях нет.

Встречаемся в столовой, на переходах, в коридорах. Пе-

рекидываемся репликами, обсуждаем мимолётное, близкое текущее. Сталкиваемся и вне работы. В книжном магазине «Дружба» и зоомагазине на Арбате. Мы даже с ней как-то посетили выставку картин Леже.

Мы с ней разные. Мне раз в голову пришло: «А не познакомить её с космическим зайцем?» и этим позабавить? Мужа её я не знал. Он у нас не работает. Да, и при чём здесь муж? Как говорится, «Вы, красавицы, – не мужьи, а божьи. И не известно ещё с кем он вас сведёт?». «Заяц» был из тех, кто в службе космонавтов безоговорочно поддерживал меня. Парень он – неплохой. Простоват. И мы случайно сблизились.

«Космическим зайцем» прозвали его между собой за странную, но вполне реальную задумку, о которой вслух даже неловко говорить. Он явился носителем забавной сверхидеи. За что и прозвали его в космодромных кулуарах.

«А что особенного? – прилюдно рассуждал он. – Очень просто остаться в бытовом отсеке перед полётом и очутиться инкогнито на орбите. «Ich bin hier». Развея тем самым басни медиков о здоровье и весь этот липовый героизм». Наверное, он бы и осуществил эту идею не откройся ему новым проектом быстрого обогащения. Они с шефом и Таисией составили как бы бригаду быстрого реагирования, околачиваясь где-то вне и являясь на время в НИЦ вечно голодными, торопливо в буфете продолжая обсуждать свои надуманные дела. Меня он смешил своим сексуальным бзиком. Закрутить лю-

бовь с великаншей. Он где-то прослышал, что с великаншей – особенный секс и прямо жаждал его вкусить. Ещё я подумывал в лабораторию его привлечь. Работник он – неплохой и какой-никакой, а свой, но он вслед за Светланой Савицкой с головой нырнул в омут государственной думы, которую мы считали тогда, как и теперь, пустырём, на котором расцветают лопухи.

Лаборатория стараниями шефа представляла странный конгломерат прежних работников и новеньких, блатных, как правило детей ответственных работников, по утверждению шефа для дела даже более необходимых, играя роль смазки, облегчающей нужный ход. Они вносили в работу раздразней некомпетентностью и недисциплинированностью, которые пока считались шефом терпимыми. Исключением была Светлана. Она всегда была в рамках и потакала девчонкам. По праву старшей опекала их, хотя и в жизни и взглядами на жизнь была от них бесконечно далека.

Когда дверь нашей комнаты оказывалась открытой, я видел часть их комнаты, точнее светланин стол. За ним и саму её, кипящую общественным ничем неделанием, тогда как другие СТК по стране по слухам повсеместно низвергали власть. Светлана мне представлялась глыбой динамита с подожжённым бикфордовым шнуром. Время шло, наше СТК бездействовало, а огонёк по шнуру бежит и доберётся вот-вот. Представлять муки её не было сил, и я закрывал дверь,

как правило.

Светлана детдомовка, а значит человек с травмированной психикой. У меня слабый опыт на этот счёт. В институте, в студенческом общежитии в Ильинке, за городом, в соседней комнате жил Алексей, из детдомовцев, крупный, с рыхлой фигурой и лицом. Отличался он тем, что бросал за свою кровать у окна грязное бельё. Нам тогда всем бельё стирала тётя Маруся, постоянно дежурившая в нашем бревенчатом третьем корпусе, а до этого каждый хранил своё до поры до времени в личной тумбочке. Ну, жил рядом Алексей и жил. В проблемы его я не вникал. Видимо, тяжело давалась ему учёба в престижном вузе. Когда он, наконец, институт закончил, то всех несказанно поразил. Получил диплом и, казалось, трудное позади, а он повесился на березе в соседней роще.

В лаборатории однажды случилась рядовая заварушка. Делили квартальную премию. Светлана обычно спокойная, а тут её понесло. Жимайкина обозвала «жидёнком». Слава богу не в лицо, а за спиной в коридоре. В лаборатории национальности не придавали значения и удивились: откуда такая злость?

Выбранный единогласно Председателем СТК, я как мог сдерживал страсти. Понимал, это временное и пройдёт. Стыдно признаться, что тогда, гася инициативы, я, конечно, работал на власть, развязывая руки ей. Дай волю таким как Светлана, они многое бы разнесли в дребезги, о чём при-

шлось пожалеть, а со мною им оставалось только в бездействии кипеть.

Заботы руководителя полёта отличаются от забот рядовых исполнителей. И дело не в объёме и ответственности. Их отличает разнообразие и заморочки. Реализуется анекдот: «Переходи к нам, и мы разделим твои беды и напасти». «А у меня нет бед и напастей». «Так переходи к нам».

Случилось разом несколько разновеликих катастроф, расчистивших путь наверх. При них терялись опыт и школа жизни. Другими словами, кому-то повезло и не повезло карабкаться вверх по скользким служебным камням, проклиная и благодаря обстоятельства, и выживали те, кто сумел всё преодолеть и осуществить.

До поры, до времени жаждущие плавали, в общих стандартных глубинах. Ведь существуют слои с несметным количеством лиц с жаждой аврального подъема. Внезапно возник вертикальный ток и изменился масштаб времени. Всего пара лет предполётной подготовки, дни или месяцы полёта (как кому повезет), и ты на поверхности, на виду и во власти, можешь затевать любые проекты и удусуживаться очередных наград, можешь даже рулить чужой судьбой и пить нектар сладкого коктейля «Власть». Внезапно многое становится доступно. И важно не потеряться в правительственных коридорах, освоиться и стать своим. Но человек есть человек со слабостями и промахами, которые нужно скрыть до поры,

до времени. Секретность КБ играла роль глушащих глубин и во вне доходили неясные слухи,

Впрочем, и здесь требовалась аккуратность. Поступать грамотно, не переступая границ дозволенного, знать, кому и когда можно хамить. Сегодня в огромном мире ты герой, выступая перед школьниками, а кое-где и тебя могут прикнопить. Запросто. И коту под хвост бравый вид и героичество в подобных обстоятельствах. Когда его прижали с двух сторон, он мог полагаться только на себя, а когда выкрутился, не стал жаловаться и заявлять. Дурные краски могли подпортить общий вид. А слухи остаются слухами. Кто верит им и можно даже их как требуется истолковать.

Всему своё время. Подвиги относительны. Когда-то посчиталось подвигом плавание аргонавтов, отправившихся по-тогдашнему в несусветную даль, к берегам Грузии, в Колхиду за золотым руном. Оценка действий на совести времени. Главное, чтобы она была признанной. Против эпохи не попрёшь и следует в нужное время оказаться в нужном месте. Астронавты, аргонавты... Какая разница? Золотые звёзды – почетное золото, несколько обесцененное сегодняшней полётной массовостью.

В число аргонавтов Воробьев бы по счёту не вошёл, будучи 56-ым. Но он Дважды Герой, хотя какой смысл быть героем дважды? Ты или герой, или «увы». Действительность требует постоянных героических действий. Можно пофантазировать, что он поклонник неизбежной повторяемости, а

миф аргонавтов подсказкой ему. Пришла пора потакать своим желаниям и их осуществить. Позволить вести себя, как требует левая нога. Нет, с этим нужно быть крайне осторожным. Ведь даже в мифе Медея убивает общих сыновей и следует смерть героя среди атрибутов славы, развалин корабля «Арго».

Что в первую очередь волновало нынешнего руководителя полётов? Следует навести в ЦУПе почти военный порядок. ЦУП – место перманентных чрезвычайных ситуаций. Он должен работать как часы. Лучше часов.

Нет, отношения всё-таки не налаживались. Время шло, а с ЦУПом всё как есть. Я раздражал руководителя полётами тем, что взаимодействовал помимо него с его подчинёнными: со сменными руководителями, с исполнительными трудолюбивыми девочками в группе планирования. С ними у меня не было проблем, и оставаясь в стороне, он не мог жаловаться, ведь дело шло, но он в этом ярком бортовом эксперименте, способном и в газетах прозвучать, был только наблюдателем на берегу, а не плотогоном, как этого хотел. Центральным, во главе угла.

Меня смешило, как он старался сделать существенное из ничего. Из мелкого княжества великое государство. Не прибавляя ни на йоту полезного. Обозвать всё по-своему и встать во главе. Такое редкое умение – этикетку поменять. Убедить всех, что это и есть самое важное, придать статус

пустоте. Редко умение у нас – надувать щёки. Мол, «реклама – двигатель торговли».

Нельзя мириться с этим и нужно всё это не откладывая искоренять. Пропалывать сорняки в огороде. В подобном смысле «бодания» с новой «погонялкой», как считают многие – не рядовой эпизод.

– Всё просто, – сказал об этом шеф. – Бывают и на реке пороги и их нужно обходить.

Действительно, многим покажется – несложно, а они пришельцами вклиняются в наш быт, в сложившуюся микоризу предприятия, не нами созданную. Пришельцам легко решать. Ведь самые безжалостные – инородцы, люди со стороны. Вспомним нукеров монгольских и латышских стрелков... Для них сопротивление – не препятствие, а быт. По-своему они правы. Тем, кто делает из мухи слона, не место в нашей технике, где дребезг – привычный фон и со всех сторон и, осознавая ситуацию, приходится брать неприятное себе на грудь. «Такова наша собачья доля», – заметил Раушенбах и безусловно был прав. Время раны лечит, и казавшееся первостепенным отходит на второй план.

В очередной раз в ЦУПе возник эпизод. И нужно было экстренно в ходе полёта посчитать и вдохновить экипаж, что в тот раз мы походу и сделали, а в результате всё получилось отлично, что было отмечено руководством и в верхах и даже зачлось благодарностью дежурившей смене.

Можно на всё закрыть глаза не только в полёте.

Отношение к Воробьеву я стал относить к разряду несущественного. Я называю его терпимым злом. С подобным можно мириться, местами игнорируя, не замечать, отводя взгляды в упор. Конечно, если такое постоянно, оно вызовет обратную реакцию и станет сложнее сосуществовать. Но пока оно терпимо, как плохая погода или громкие соседи, оно в ряду возможного. Мало ли в жизни невзгод?

А всё-таки он – рожа самодовольная. Как у них просто. Слетает, отметится и начинает чудить. Наш дребезг его только забавляет. А нам не нужно мелочиться. Нужно мыслить исторически. Вернувшись с золотым руно, спешит реализовать свои возможности. Получить свой гектар жизненного поля и засеять его. В собственном колхозе наводил он свои порядки и подбирал кадры. Самыми преданными оказывались женщины. Они по природе своей более податливые. Он уже выделил помощницу, душой и телом верную ему. Ей он поручал важное, будучи уверенным как себе. Он мог ей даже не всё говорить, а она догадывалась. Если поэты называли подобных особей музами, то её он про себя именовал своей левой и правой рукой. Она пока была скромна, ничего особого не требовала и в нужный момент оказывалась под рукой. Ей он поручил планирование эксперимента «Луч», с ней были вынуждены теперь договариваться кураторы. Всё

стало хуже по сути своей и шло не шатко, не валко, а для меня даже походило на унижение, о котором рассказывали, как о нравах появившихся преступных группировок, когда в разборках на поверженного и сбитого с ног мочились по-други победителя.

Но что теперь оставалось делать? Нет управы на сволочей. Чертополохом зарастает поле. По всем приметам он, тиран местного разлива. Тираны одинаковы своей сутью. У них лишь разные возможности. Вспомним «Король забавляется» и пакости Трибуле. Тираны – сорняки. Их нужно выпалывать. Они возникают повсеместно. Упустишь, наплачешься. Обычно поздно спохватываются. Жизнь, увы, не кино, где всё по сценарию. Что делать теперь? Бороться? Так всю жизнь и поборешься. Приходится делать вид, что в ЦУПе мне делать нечего, и всё «по фигу». Но одновременно присутствует мысль, что их становится больше, что это замедлит наш ход или его совсем остановит. Только почему я должен думать об этом? Кто – я? Главный? Моё ли это дело?

Жизнь по-своему подыграла мне. Цуповский этап работ со своими страстями и отношениями отодвинулся от меня на пару лет. Мне открылся новый фронт работ.

Работа с французами не только техника и разные хлопоты. Случилась совсем неприятная история. Безголовые французские журналисты, приехавшие на запуск, ввезли в страну без оформления киноаппаратуру, и этим создали нам го-

ловную боль. Но никуда не денешься потребовалось оформление задним числом с подключением знакомых из Главкосмоса, юристов и людей бушуевского секретариата и были бо-дания с таможенной службой, где тягомотный характер Лидии Федоровны сыграл свою положительную роль.

Оформление заключительного этапа в шереметьевском аэропорту затянулось за полночь и когда оно, наконец, подошло к концу Лидией Федоровной службе было поставлено условие – доставить её из Шереметьева домой в Подлипки. Несмотря на поздний час, в знак признания её оформительского упорства, таможня выделила автомашину, которая по кольцевой доставила Лидию Федоровну и меня до развилки дорог. Далее меня высадили, оставив самостоятельно добираться на юг по Москве, а машина с Лидией Федоровной отправилась в Подлипки на север к жилому комплексу подмосковного Калининграда.

Шеф мне всё больше нравился. Смелостью своей, бескомпромиссностью, и тем, что, не заботясь о последствиях, брал очередные проблемы себе на грудь. Суммой качеств. Были у него свои понятия о чести и справедливости. Свои досужие представления, как поступить.

До Глушко ОКБ возглавлял Главный конструктор. Глушко настоял на должности Генерального, как в авиации. Главные конструкторы были под ним. Один из блатных, опять же из «Южного», из Днепропетровска и стал уже второй фи-

гурой по значимости в ОКБ. У нового Главного не было прежней жизненной закалки и его окружение стало обраться нужными людьми.

Сложился круг особых людей, набиравших силу, что кристаллизуется в силу особых обстоятельств. Тех, которым было не место в прежних верхах и которые из них упорно изгонялись, но снова стремились вверх, потому что в этом был их истинный смысл - подняться пеной наверх несмотря ни на что. И им неожиданно подфартило. Повеяло новым ветром и сложился некий круг администраторов, приближённых к первому лицу.

«Рыбак рыбака видит издалека». Они своим третьим чувством и нутром понимали: кто враг им и кто из нынешних окружающих свой. В числе последних был недавний жестящик Петя Короткевич, до этого мирно работавший в цеху. Он отыскал и некий практический смысл выправлять помятые личные автомашины и этим приблизился к начальству. Затем осознав, что и он, Петя, – тоже человек, представил диссертацию. А точнее то, что он так себе обозвал. Своего рода компиляцию ряда отчётов, подготовленную для него походя шустрými мальчишками, что на подхвате, шутя, без особого усердия, за некую мзду.

Теперь собрались её утвердить, а точнее дать заключение для представления на учёный совет комплекса. Все присутствующие, разумеется, отлично понимали цену ей, но делали вид, что было условием игры. Налицо компания едино-

мышленников. Пробиваться кверху каждый будет по-своему. Возможно даже по головам, но на исходном этапе разумно было подобного поддержать. Разумеется, не без умысла, что в минуту, решающую всё, и он, не колеблясь, поддержит тебя.

«Хорошо. Согласен, работа сия – сборная солянка. Да кто это поймёт? Кому досуг тратить драгоценное время на неё? Ни чьё-то, своё. Разбираться в накопившемся хламе? Пройдёт и так и помогут друзья-единомышленники, связанные узами бизнеса. Обязанные. Вместе освоимся у власти и рядом. Сообща.»

В верхушке из лично преданных и он – Паша Короткевич. «Из грязи в князи». Всё бы ничего и потерпеть, но не терпелось ему. Не знаю, кто ему тогда всю эту трехомудь написал. Должно быть, нанял кого-то и вот круг специалистов пригласили оценить его диссертацию на соискание степени кандидата технических наук. Среди приглашённых оказался и шеф, о чем нам после рассказывал.

– Люди-то все приличные. Из вежливости начали осторожно высказываться. Доходит очередь и до меня.

– Мне стыдно, что такие ответственные и занятые люди собрались выслушать эту чепуху, – говорю. – Никакая это не диссертация, а рукоблудие. «Коту под хвост». Такое моё мнение. Позорно в этой комедии участвовать и обсуждать. И сам не хочу, и вам не советую.

Остальные вздохнули с облегчением и разошлись. Нарис-

совал он тогда зуб на меня, а позже с горизонта пропал. Объявился неожиданно. В думе: спасителем отечества.

Легко и просто в жизни взаимодействовать с техническими исполнителями. Они без камня за пазухой. Неважно, свои они или заграничные. У нас полный контакт с французами. Скорее даже симпатия, которую хочется выразить. После первой совместной встречи заместитель проекта с французской стороны Ален Лабарт не поленился съездить в Памплону, на фиесту и привез оттуда майку.

Майка эта имела свою историю.

Перестройка породила свои эстетические предпочтения. Возникшие ансамбли собирали стадионы иных фанатов и можно сказать настало время Хемингуэя. Ремарк и Хемингуэй стали особенно популярны. В них было то, что теперь вдохновляло и звало. Меня особенно волновала «Фиеста». При нашем общении в разговорах проскальзывали наши пристрастия и в результате Обри и Мамод подарили мне одинаковые роскошные издания о корриде, а Лабарт, привез особую сувенирную майку с именами знаменитых тореадоров, к списку которых припечатали и меня. Выцветшая майка – предмет, напоминающая о том времени, когда в наших отношениях ещё не было грязных чужих ног, о времени, о котором не стыдно и приятно вспоминать. Тем и дорога она мне.

Всё хорошо и удачно вроде складывалось, только кураторша Светлана попала в больницу. Она так долго ждала экспроприации. Переживала: «Когда начнётся у нас?» Ожидание её сжигало и не могло продолжаться вечно.

Когда дверь нашей комнаты оказывалась открытой, я видел часть комнаты кураторов, точнее светланин стол. За ним и саму её, кипящую ничем неделанием, тогда как другие СТК низвергали власть.

Последнее время Светлане нездоровилось. Сначала она бюллетенила дома, а потом угодила в больницу и быстро сгорела. Старший из кураторов Игорь, рослый и здоровый, посетил её в больнице. Игорь – негласный начальник группы. Существуют кадровые уловки. Например, бывает начальник группы без группы, чтобы единицу сохранить. В нашем случае было как раз наоборот: Игорь считался за группу ответственным. Он рассказывал: «Светлана почернела вся и никого не узнаёт». Не трудно было догадаться, чем вскоре дело закончится? Что и произошло.

Не только потери. Были и пополнения. Вернулся из армии Сашка Марков. Шеф считал его первым своим учеником. Он – креатура шефа, шефов выкормыш. О начале начал его шеф вспоминает с восторгом. Отучившись в вузе, Сашка было намылился в аспирантуру. Но случайный разговор в его присутствии всё ему переменял. Его отец возглавил когда-то эту лабораторию. Шеф на этой должности его сменил. В тот раз сашкин отец с шефом обсуждали у них на

дому текущее состояние дел и своим разговором так Сашку увлекли, что он прежние планы поменял. Поступил в лабораторию, затем армия, и вот он снова здесь.

Молод он был и открыт лицом, у всех вызывал сочувствие и все ему способствовали. Славный с виду парень. Окружающих он удивил тем, что скоропостижно вступил в партию. Молодые, как правило, партии чурались. Далее у него был некий лактационный период, как выяснилось потом. К текущим работам его сначала не подключали. Пусть неспеша освоится.

О новом мире, неожиданно открывшем нам свои замки и оранжереи хотелось поделиться. Описать необыкновенное нужны рассказчики. В такой же мере, если не в большей, нужны и слушатели.

Шеф как никто другой умел слушать. Ему хотелось об увиденном рассказать. Почему именно ему? Да потому, что остальные были равнодушными. Занятые своим. А ему было интересно, и он другим сочувствовал. Дорого ценится порой сочувствие, что, как хлеб, рассказчику поощрением. Важно его иметь. Он и сам был любознательным. Загадка шаровой молнии, эзотерика, реинкарнация по Пифагору – волновали его на заре его деятельности.

Была в нём уверенность. Он готов был, не сомневаясь, всё перекроить. Был бы он религиозным, куда ни шло, подумали бы: снизошло сверху. Но он не верил ни в бога, ни в чёрта.

Но откуда и как? На пустом месте то тут, то там появляются сорняки, а среди них репей, в колючках, на соседей непохожий.

Смежники безоговорочно его поддерживали. Исходные мифы рассказывали по случаю. Верили. А куда денешься? Альтернативы нет. Он как единственный подвесной мостик через пропасть. Коварный, хлипкий, но нет иных, а на нет и суда нет, и убеждаешь себя, что и этот богом посланный и молишься его сохранить.

А ещё отличала его вера в чудо. Были единомышленники на базе личной преданности. «По ночам, – рассказывал он, – мы с техником Женей Фазоловым нарушая правила безопасности тащили в цех генератор и в его гулком пространстве включали его в предельном режиме, любуясь плазмоидами». Стойким было дикарское желание – создать шаровую молнию. Надеялись, что как-нибудь по-особенному проявит себя, открыв тем самым свою тайну, ту, что возможно обеспечит устойчивый термояд; да и мало ли что ещё скрыто ослепительным огненным шаром.

Разумеется, фокусы эти должны были плохо закончиться. Впрочем, что-то случилось тогда с ними спасительное и от этих фокусов отвлекло. Но закваска чудесного и стойкий авантюризм – остались и проявлялись то так, то иначе. Время от времени тянуло его не сотворить, а натворить. В итоге его отовсюду изгоняли. Но он мухомором повсюду прорастал, таким несъедобным грибом. Хотя кому как, ходили

слухи, что космонавт Рюмин – семёновское протеже, мухоморы ел и от них не страдал. Впрочем, чего только не наслышишься в околозвёздных кругах.

В 27-ом отделе мы командировались для контроля полётов на Камчатку. Довелось мне там посетить взорвавшийся вулкан Козельский. Это было удивительное зрелище. Вокруг целиком выжженное поле, по краям его возрождающаяся жизнь. Какие-то разноликие папоротники. Удивительные формы. Поражали воображение гигантские грибы. Теперь явление шефа показалось мне подобным.

Мы варились в особом огороженном секретностью миру. Хотя как правило не в масштабах дело и вся, например, Древняя Греция с её историей и влиянием на теперь -имела населением всего десять миллионов человек. Выход в открытый мир стал для нас откровением.

Для меня – лучше всего знакомство похода. Так и получилось с Францией. Вся история, казалось, сошла для нас с библиотечных страниц. Франция всегда считалось близкой нам страной и тут со своей литературой и историей оказалась перед нами наяву. Париж был началом и концом наших командировок. Технические работы велись в Тулузе.

Из космонавтов в первом экипаже готовился опять Кретьен, осуществивший до этого первый французский космический полёт. После, рассуждая задним числом, стоит удивиться превратностям судьбы. Как говорят: «Судьба играет человеком, а человек играет на трубе». Сильны мы задним

умом. Ещё говорят, знал бы, где падать, заранее соломки бы подстелил.

Ах, судьба! Она непредсказуема. Первый космонавт Франции Жан Лу Кретьен безусловно рисковал, трижды отправляясь в космос, но беречься ему следовало в другом месте. В миллениум в магазине Home Depot в штате Техас на него с высоты трёх метров свалился двухпудовый сверлильный станок, сделав его инвалидом.

В научном центре нам демонстрировали левитацию. Она в числе нестандартных проявлений. К ней у меня особое отношение. Тянет меня кромка обрыва или край высокого здания. В этом что-то атавистическое. В Подмосковье вырыли глубокий ров. Потому что рядом насыпали искусственную гору для горнолыжных утех. Ходить по краю рва доставляет мне удовольствие.

Вернувшись из Франции, я зашел к шефу, где помимо всего собирался рассказать о левитации. С приездом профессором они сидели на кухне за столом, с которого были уже убраны деловые бумаги и намечался легкий перекус. Нельзя было назвать этот стол обильным. Он скромнен был и характерен иным. Основу его составляла беседа, которую я прервал, вручив привезенную из Франции бутылку французской водки, которая переводилась забавно «Водою жизни», «О де ви». Название развеселило присутствующих. «L'eau de vie». «Вода жизни». Шеф по-детски радовался и повторял: Вода жизни... Именно...

Я знал, что «профессор» звучало для шефа завораживающе, как прежние титулы – граф, князь, барон или маркиз. Он и перед прочими любил пустить пыль в глаза. Однако на этот раз эффект превзошёл все ожидания.

Беседа на этом была, собственно, прервана, хотя она и естественно закончилась, потому что то, о чём здесь договаривались, было не для посторонних ушей. Она, как и многие переговоры, велась тет-а-тет, имея важные последствия для обеих сторон.

Вернулась с прогулки Надя. Она раздевала раскрасневшего Колю и говорила обыденное, возвращая присутствующих в жизнь.

В целом я с моими знаниями и опытом был чрезвычайно полезен шефу. Он мне доверял. Я был нужен ему и где мог его заменял. Благо, знал всех лично и умел нужное посчитать, а мой авторитет без стука открывал двери любых кабинетов. И всё-таки что-то он и от меня скрывал.

Старшую экономистку Наталью можно считать аборигеном третьей территории. У неё и муж работает здесь, на перекисном стенде, у Решилова. Работы с перекисью начинал в энные времена я, и Решилов продолжал их в моей группе. Со строительства перекисного стенда, до управления спускаемых аппаратов.

Перекисные двигатели управляют спускаемым аппаратом в атмосфере.

Через Наталью Решилов попросил в качестве сувенира схему парижского метро. Я с удовольствием схему ему через Наталью передал, осознавая, что это нам доступное и простое, невозможно другим. Об этом им оставалось только мечтать и это было и несправедливо, и нечестно. Не мог он пока схемой воспользоваться по назначению. О, наши порядки, и я искренне сочувствовал ему.

Возглавляющий в то время ОКБ Валентин Глушко был легендарным ракетчиком, но посмертная слава Королёва, триумф покорения космоса и общий настрой поразили и его.

Ему принадлежат слова о том, что, если бы его собственные похороны походили на славу и похороны Королёва, он согласился бы на них тотчас, не задумываясь.

При нём продолжалась работа с полётами, кораблями и станциями. Однако главной его заслугой этого периода можно считать завершение создания супер-ракеты «Энергия», сверхтяжёлой ракеты того же класса, что и «Сатурн-5», доставившей астронавтов на Луну. Хотя основным творцом её по праву нужно считать Бориса Губанова, выходца из того же днепропетровского «Южного», одного из создателей грозной «Сатаны».

Глушко возглавлял ОКБ пятнадцать лет. В январе 1989-го, он умер. Королевство осталось без короля, и естественно возник вопрос о замене. Наступили смутные времена. Шеф что-то чувствуя, отирался в верхах. С будущим руководителем фирмы была такая история. Не главным был он пока на фирме. У Генерального замом, но в руководстве фирмы уже кадры менял. Под себя.

В начале года не стало Генерального. Губителем был – атеросклероз. Собрали сборище. Из министерских и с присутствием правительства. На заключительном расширенном заседании решалось: «Кто станет новым Генеральным? Из министерских или свой?» Чаша весов колеблется.

Ходили слухи, что нам пришлют назначенца из министерства, чиновника до мозга костей, и ещё теплилась надежда, что назначат кого-то из своих. Не кого-то, ясно было кого.

Наконец, в ОКБ собрали сборище – обсудить и затем Генеральным утвердить. Нашим карьеристам на нём было важно не только выдвинуть его, но и показать ему свою приверженность в расчёте на будущее.

Тогда в отношениях с шефом у нас и появилась первая трещина. Шеф понадеялся на меня. Пробивал как мог. Ему было важно заявить о нас в новом качестве. С трудом он добился моего присутствия. Ему не терпелось пустить вход моё хвалёное красноречие. Начались выступления в защиту. За этого и того. Все ожидали перелома. Наш тоже из пришельцев. Основная масса выжидала.

Выступить на подобном сборище – то же, что пройтись по вантам крымского моста, заглянув вниз. Всё видно и боязно. Ответственно. Впрочем, поддержка не обязательна, так казалось мне, и был некий люфт. Особое собрание состоялось в особом огромном зале ГОНТИ с моделью первого спутника под потолком вертящемся на гибком подвесе в потоке воздуха. Тем временем прения заканчиваются. Обошлись без меня и слава богу, хотя недовольство шефа налицо. Подвёл я его. Пусть привыкает, хотя он, должно быть, на меня в тот раз своё первое «фе» нарисовал. Заслужено. Не спорю.

В присутствии министерства и военно-промышленной комиссии ЦК, по сути, выяснялось поддержит ли коллектив предприятия нашего нового? Не здешний он, а со стороны, из Днепропетровска, по сути блатной, но заслуживший уже признание по сумме дел.

Конечно, и я понимал свою ответственность, и мог выступить. Даже отлично, переломить, отстоять, зажечь. Понимал я и надежды шефа, и особенность случая. Всё это так, но сохранились во мне крохи свобод, и я размышлял и с интересом поглядывал по сторонам. Кого только нет в зале. Есть из Южного, из Днепропетровска. И Главный оттуда, но успел у нас поработать чуть.

Днепропетровск для меня – родной город. Условно. Здесь жили мои дедушка и бабушка до войны и в войну, пока не погибли в оккупации. Здесь живут и сёстры моей матери, их дети и мужья. Я бываю там редко и по случаю, но с ними чувствую связь и, наверное, должен способствовать выходцу из города, но что-то в этот раз меня сдерживает. Сердцем легко решать. Привыкли мы так, не задумываясь поступать в силу родственности. Такое кровное: сердце, однако, – не мозг, от которого часто подвохи и неприятности.

«Поддержка моя совсем необязательна, и сидим мы с шефом в разных местах. Не дождался шеф, сам выступил. Как смог. По-моему, на троечку. Я бы удачнее выступил. У меня на это дар. Конечно, если захочу. Не марионетка я, хотя и обладаю способностями. Не очень, правда, их ценю. Римляне считали выступления на театральных подмостках уделом рабов. Не раб я, хотя и в меру зависим. Говорят, хороший удар не пропадает и в силах всё переменить. По привычке не решаюсь, колеблюсь, как буриданов осёл.

Выступления моего так и не дождались. Общими инте-

ресами пренебрег. Не понял меры ответственности. Однако всё, кажется, обходится. Ни словом шеф меня тогда не попрекнул, но реле недоверия сработало.

Работа с Францией подарила мне массу впечатлений. При нашем менталитете казалось стрёмным путешествовать за казённый счёт по миру. Париж, Тулуза – современные города, сохранившие так много старины. Архитектура, картинные галереи с сокровищами изобразительных искусств. И то, что впечатления дарились мимоходом, придавало им необыкновенную остроту. Конечно, были и организованные экскурсии. Древний Каркасон, Сен -Поль-де-Ванс, Ницца, Монте-Карло, Аэропасаиль – кузница авиационной индустрии и Фрагонард с алхимией французских духов.

Древнее очарование Тулузы, ставшей Центром французской космонавтики.

Время словно уплотнилось и два с половиной года проекта пролетели в заботах, хлопотах, трудах, волнениях, радостях и разочарованиях как необыкновенный сон. В заключении состоялся полёт с выходом француза в открытый космос.

А потом всё разом рухнуло как снежный городок в дождь. Перестройка открыла шлюзы. Снялись былые запреты, и

оформленный шеф отправился свой первый зарубежный во-
яж. Не с кем-то, а со своими закадычными друзьями из
смежников. Представляю, какой они пели ему фимиам. Таи-
сия была переводчицей. Они с этого момента с шефом –«не
разлей вода».

Поездка во Францию стала для шефа мерой вседозволен-
ности. Пожар в гостинице, где он по неосторожности с сига-
ретой уснул, и уверения свиты, что клиенту можно всё. Шеф
по-своему рассказал об этом новом качестве: Доступно всё.
Любой коньяк. Любой «Наполеон».

Полёт закончен. Легко подводить итоги и намечать планы
на будущее. В очередной поездке мы столкнулись с необыч-
ным для нас. В командировках во Францию мы отрывались
по-своему. Как ни странно, тогда нам напомнили табель о
рангах. Принимающая французская сторона обычно устраи-
вала приёмы. Были они для всех участников общими и не
особо ценились, как обычное. Об особом первом суаре у
начальника иностранного отдела КНЕСа, на который были
приглашены от нас только шеф с Таисией, мы узнали слу-
чайно. На исходе дня встретили на улице Лабарта с Терио-
ном. Они направлялись на этот особенный приём и чувство-
вали себя неловко перед нами. Терялась прежняя демокра-
тичность. Мы переговорили походя, и они смущённо рас-
прощались с нами до делового завтра. Случай с виду мог по-
казаться несущественным, хотя и был знаковым. Вехой пе-
ремены отношений. Наша сладкая парочка, видимо, успела

внушить французам, что всё по-крупному зависит только от них, о остальные в нашей выездной делегации – всего лишь рабочий сор.

Нововведением стало присутствие шефа в международных встречах на выезде.

– Что вы понаписали? – тряс он итоговыми протоколами. Мы недоумевали. Это были обычные технические протоколы без двусмысленностей и политики. Мы старались понять, что его раздражало? Он уже во многом странно себя вёл, заставляя нас теряться в догадках и добавляя нервозности. Это было противно духу прежнего королёвского КБ, но времена менялись на глазах и приходилось подстраиваться.

Позже мы поняли, что в такой манере стадом легче управлять, добиваясь покорности, лишая самостоятельности и приучая нос по ветру держать.

Позади были разбор полёта и подведение итогов под Ниццей, а впереди новые полёты, при которых хотелось прежнюю кооперацию сохранить. Мы слушали его, стараясь не упустить рациональное зерно. Такое не нравилось нам и мне показалось, что в международном сотрудничестве с тех пор появилось присутствие босых шефовых ног.

Наступило смутное время. Я позабыл друзей, а точнее они отошли у меня на второй план. Хватало острых ощущений на работе. События целиком захватывали, не оставляя времени для размышлений.

Периодически с нами проводили профилактические бе-

седы по режиму. Службы, хранящие наши секреты, предупреждали, что среди французских коллег по проекту могут быть разведчики. Так что «держите уши остро»». Когда мы спрашивали: «Как их распознать?» Нам отвечали: «Они как бы при деле, но в технике ни бум-бум, как, например, наша Таисия». И хотя говорилось иносказательно, роль Таисии этим как бы чётко обозначилась. Вот оно недрёмное наше око. Рядом.

Мы это учитывали, но, как правило, забывали, да и она себя до поры до времени скромно вела. К тому же знание языка помогло ей подняться и практически возглавить тогдашнее международное сотрудничество.

Метаморфоза случилась сказочная. «Из слуг в господ». Во время выездных встреч, пока мы работали со специалистами, Таисия околачивалась возле руководства проекта и получалось что с нею приходилось решать какие-то общие оргвопросы. Со временем выходило так, что, например, планирование числа встреч и дат поступало через неё. По глупости мы не возражали, она нам в этом помогала. Мы были, как котята, слепы и вскоре целиком зависели от неё. Её наметки возвращались к нам в виде утверждённых планов. Прямо-таки по-Ленину: «Кухарка», технически безграмотная, управляла нашим государством. Как говорится, вырастили Бабу-Ягу в своём коллективе. Абсолютное зло.

Такое, правда, вышло бы не у каждого. Сначала первым шагом она охомутала сына важного чинуши, прежде заслу-

женного, а теперь своего рода небожителя, возвращающегося в правительственных верхах, и наметила следующие ходы. Одно только ясно было: она не перед чем не остановится. Перекукует, преодолеет, прогрызёт. Но были и особые обстоятельства. По благу муж её получил исходной должностью ведущего незначительного изделия.

На деле, правда, он стал совсем никудышным ведущим и не основного проекта. Ведущий по своей роли – хозяин космического изделия и неизбежные многочисленные доработки и изменения идут через него. Он вынужден быть коммуникабельным, а стал противоположностью. Где требовалась гибкость, он демонстрировал скандальный характер. Окружающие понимали и чувствовали его временность. Он был не тот, не как наш ведущий по «Салюту» Владимир Яин, за которого мы были готовы и в огонь, и в воду.

Во время выборов в Госдуму муж Таисии удосужился попасть в число доверенных лиц руководителя предприятия.. В эпоху с первой Государственной думой он доказал свою личную преданность. Хотя его протее, наш Генеральный конструктор, засветившись зятем Кириленко, в Думу не прошел, но преданность мужа Таисии была доказана. Он должным образом проявил себя и остался в кругу доверенных лиц. Вокруг Генерального кристаллизовалось новое окружение. Благосклонностью оставалось воспользоваться, а всё, полагавшееся мужу, касалось и её.

Расхождения наши с Таисией начались с её предложения –

подключить к результатам французских экспериментов КГБ.

– Давайте, – предложила она, – сдавать всё возвращённое с орбиты для проверки органам, а после инспекции, придав им нетронутый вид, возвращать согласно протоколам.

Каюсь, я резко ответил тогда, что не считаю это разумным. К тому добавил пару обидных слов.

Они уже спелись, и мой ответ показался обоим обидным. Однако шеф принял нейтральный вид, а обида Таисии была налицо. Этим всё и началось.

На контактах шеф вроде бы и не настаивал, а лишь наблюдал как бы жизнь насекомых как хрен с горы. Время было особое, о многом приходилось догадываться. Теперь мы с шефом редко общались. Как-то раз такое случилось, мы не смогли закончить работу и вечером и даже заехали к шефу домой, продолжая обсуждать наболевшее. Было поздно. Надя с детьми уже легла в соседней комнате.

Сидели на кухне, хозяйничала Таисия. В его квартире она чувствовала себя привычно, открывала сервант, доставала бокалы для питья. Знала, где лежит пивная открывалка, хотя шеф умел и без неё пивные бутылки открывать. Должно быть что-то случилось, что позволяло ей так поступать.

Нехорошо так говорить о женщине, но Таисия действовала на меня, подобно змее, парализующей жертву своим присутствием. Выглядела она серой и скромной на первый взгляд и с виду спокойной.

Поездки за рубеж были выгодны. Одной поездкой за счёт

командировочных реализовывался обычный годовой оклад. На первых порах шеф с Таисией зачастили. Поездки сливались для них в непрерывный цикл. Для этого приходилось мудрить – подписывать документы на выезд у разного руководства, временами выжидать и ладить с секретарями. Этим заправляла Таисия.

Из них привозилось и неутешительное. Что отношения наши, оказывается, не так крепки. Что, например, Лабарт недоволен мною, хотя всё прежде выглядело, наоборот. Мы вроде работали с ним душа в душу. Более того этому свидетельством как раз подаренная майка. Теперь создавался негативный фон, а что они за нашей спиной о нас французским коллегам наплели, оставалось догадываться. Чувствовалось присутствие наследивших шефовых ног. Наши отношения резко пошли под уклон, и подчёркивалось, что лучше вообще обойтись без прежних отношений, действуя исключительно через шефа. «Погоду в доме» отныне контролировал только он.

По стране поездки шефа заметно стали реже. В очередную они взяли с собой космонавта Стрекалова. Для солидности. Геннадий Стрекалов уже к такому привык. Принимавшие разбивались в лепешку. В заключение устроили русскую баню, накрыв по соседству роскошный стол. Документы уже были подписаны, но шефу задумалось что-то переписать. Не в силах тянуть, он ворвался в баню и выволок всех в рабочую комнату. Стрекалов заметил тогда в сердцах:

– Какой Владимир – неуёмный. Непременно испортит всё.

Поезд международного сотрудничества всё так же уверенно стучал колёсами, и мы по-прежнему входили в его поездной состав, но радость свободного труда была утеряна. Нет, я не создан для подневольного труда. Не склонен выполнять и чужие сумасбродные идеи.

Меня по-прежнему развлекали рассказы шефа, хотя и резвость их начинала утомлять. Казалось, я попал, как говорят бывалые моряки, в «Скаковой круг дьявола». Мне стали сниться тревожные сны. Я почувствовал себя взнузданной лошадью, и решил из всего этого вырваться, сменив род деятельности. «Вон из техники. Я буду заниматься рекламой полётов», – сказал я себе. – Информация общественности станет отныне моим коньком».

Перестройка- время инноваций. В лаборатории стали искать новое применение орбитальных возможностей. «Изиуминкой» Стаса стал прогноз землетрясений. Замер в составе местной атмосферы упреждающего элемента – газа из трещин земной коры. Возможности впечатляли, и шеф способствовал Стасу, продолжая рушить за спиной его семью. Казалось, Стас был даже в курсе всего. Для меня это стало последней каплей. Мне захотелось разом вон из этой среды. Эстетики разутых ног. Послать всех разом и вокруг меня «к чёрту». Какое-то время мы сосуществовали, как несмешивающиеся жидкости. Я поменял занятие. Информация об-

щественности вынесет меня. «Огородиться, оставаясь на виду» – станет девизом для меня.

Это было веянием времени. Международные проекты, эксперименты на борту – требовали открытости. Я становлюсь вновь самостоятельным, вольной птицей и проявлю по возможности свой талант. Ведь ко всему прочему, умею не только красиво говорить, но и красиво писать, излагая умело слоганы и мысли.

О славный гидальго Пигафетта. Именно им описан первый виток вокруг Земли. Подвиг не только необходимо совершить, но и воспеть, сохранив его для потомков. И от певца зависит его достоверность. Необходимо голой истине присягнуть. Он был одним из восемнадцати вернувшихся на родину три года спустя, хотя отправились с Магелланом на пяти кораблях из Севильи искать короткий путь в Индию в составе двухсот пятидесяти шести моряков.

Я из отдела умников и учёных, хотя угодил в это подразделение, граничащее с обслуживанием, с творчеством магазинных продавцов, попав сюда транзитом через службу гражданских космонавтов. Деятельность здесь по сути своей – рекламная. Ею утверждалась спорная тема практической пользы космонавтики.

Я и сам начал подстраиваться под показушный настрой, в свете которого прилично выглядела идея, достойная страниц «Юного техника» и «Техники молодёжи» или публичных ранних отчётов ИКИ. Впрочем, тогда это мне не каза-

лось существенным. Здесь были свои порядки, которые меня тогда тоже не интересовали. Мой первый здешний яркий по-своему проект передачи информации с внешней оболочки станции через стекло иллюминатора и был рекламным по-своему.

Реклама явилась веянием времени. Я подготовил макеты рекламных проспектов, мы вместе с шефом продемонстрировали их вице- президенту, получили одобрение и понеслось. Я оседлал нового конька. Новое поприще требовало вдохновения.

Вдохновение – не только состояние твоей души. Это и опыт далёких предков, записанный на генах, в помощь тебе. Это – твоя религия, свод личных законов, собственная теория. Не то, что принято. Я говорю остальным: копайте, копайте, ройте, ройте, а у меня наследие в генах, то, что припасено, я пускаю его в полёт, а точнее в плавание.

О том, что мы выходцы из океана, свидетельствует не только состав нашей крови и не забытое плавное парение над этажами глубины. Ходить по кромке над бездной для меня – истинное наслаждение. Мне даже кажется, что мы способны проплывать не только над пространством, но и над слоями времени, следуя своему предназначению, которое нужно уловить. Уловил ли я? Покажет время.

Работа приобретала масштабы. Мне требовались подчинённые, и тут подвернулся случай. Появилась первая сотрудница. Зовут её Машей. Не знал я её предыстории. Не инте-

ресовался, а зря. Теперь я её домысливаю. По-моему, она – дитя зла. Родители её не ладили, не любили, ссорились. И вот на исходе их отношений стряслась неожиданная беременность. А результатом – она, впитавшая зло с молоком матери. Теперь мы за это расплачиваемся.

По протекции шефа после университета Маша в лаборатории. Спустя недолгое время она вдребезги рассорилась с Игорем, ведущим здешним куратором. Не знаю, что их развело? Чем могла его возмутить симпатичная и воспитанная девушка? Возможно непомерным требованием занять место Светланы. Она из блатных. Отец её занимает важный пост в заводе. Не знаю, что у них стряслось, но нашла коса на камень и кураторами Маша была отторгнута. Я взял её первой в свою группу, пока воображаемую. Мог ли я тогда себе представить, что в лице скромной и воспитанной девушки у меня под боком оказалась моя персональная Малинче.

Международное сотрудничество включало знакомство с прочим миром. Похожим, но с деталями, с которыми я согласиться не мог. Заговорили как-то о прессе.

– Газета, – сказал Лабарт, – это то, во что жена заворачивает селёдку, неся её с базара.

Для нас же газета в перестройку составляла всё. Ведь интернета тогда ещё не было.

Второй полёт Французского космонавта был позади. Ито-

ги его подвели в старинной русской крепости под Нищей. Третий французский полёт мы готовили уже в ином качестве. Это была совсем иная публика. За видимой приветливостью скрывались сложные отношения. Телефонные разговоры с Францией из нового кабинета шефа, где он постоянно отсутствовал, я поручил Маше. Полёт должен был по-иному прозвучать. В канун его была намечена последняя встреча во Франции, и тут выяснилось, что в её состав я не включён. «Кухарка» по – своему начала управлять государством. В поездку, в которой ставятся точки над і в обязательствах двух стран, записали Машу. Я, отвечавший за этот цикл работ, был отстранён и для восстановления справедливости потребовались усилия. Но вот справедливость восстановлена. Мы оба отправляемся во Францию. Я зла на Машу не держу.

В Париже я купил долгожданный толстый Ларусс за 1992-ой год, вызвав недоумение остальных. Они под командой Тасии тащили в аэропорт огромные пластиковые сумки с кофейным ароматом. Должны быть, с мечтой обогащения. За них боролись с таможей и от которых меня воротило. Они это, видимо, чувствовали и даже стыдились чуть-чуть, но выгода перевешивала. Набитые сумки виделись мне той же практикой босых ног. Как и домашние шлёпанцы Благова, в которых он бродил по Парижу. «Иначе ноги устают». Пренебрежение чем-то условным неуловимым, таким как аромат цветов, как красота бескрайнего неба и обаяние старины.

Из забавного в поездке я подготовил розыгрыш: мол, нам

втихаря удалось посетить Бразилию. Доказательством этого выдавались фотографии бразильского карнавала на парижских улицах, свидетелями которого в поездке оказались мы.

Минул второй полёт. Мы с Машей и французской командой выступали в нём в новом амплуа. Негласно недоброжелательно проявлял себя руководителем полётов Воробьев.

Второй французский космонавт славный парень Мишель Тонини оказался на высоте. Неприятным оказалось событие, когда полёт приближался к концу. В заключительных сеансах по договорённости в главном зале управления ГЗУ должны были вывешены французские плакаты. Они появились в зале по сторонам экранов, но затем отчего-то были сняты, по слухам по распоряжению руководителя полетами. Передавали его слова: «Мы неделю потешали в сеансах всю Европу и не имеем ничего». Чего он хотел от рекламных акций французов? Я пробовал его убеждать.

– Есть международные обязательства.

– И что? Хватит пудрить мозги.

«Мы отвечаем за информационную программу, а что ему? Какую он ищет выгоду? Что можно сказать на это? – думал я. – Обязательства принимались на высшем уровне. За невыполнение по головке не погладят. Изменилось время? Настала пора взаимной выгоды, которую он просёк? Теперь будет ставить палки в колёса и превращать дело в торговлю. А я из прошлого, сохранился таким, и нам с ним не по пути.

С Воробьевым мы до этого долгое время не общались. Как -то раз всё же пересеклись. В ЦУПе отмечался успешное окончание этапа американской программы. С Воробьевым мы остались за столом один на один.

– Ты не попал в струю, – заметил он. – Не понимаешь, куда дует ветер.

– Мы вроде не о чём не договаривались.

– Не нужно договариваться. Нужно понимать.

– Извините, я мысли не умею читать.

– Другие умеют.

– Не по адресу.

По сути, мы повторили наш разговор год назад, когда он был в космосе. Я ему объяснял по громкой связи инструкцию, которую он сходу забраковал.

– Ты лучше скажи...

– А что непонятно?

– Всё.

– Другие понимают.

– Сева, кончай заниматься словоблудием...

Тогда он казался правым. Он был в полёте и громкую связь слушали многие. Я объяснял и это имело смысл, хотя мы остались при своём.

Теперь нарушались обязательства. Объясняться бесполезно. Нужно искать управу. У вышестоящего начальства. И я бегу по служебным институтским коридорам.

За оформление ГЗУ отвечал не руководитель полетов. Это дело администрации ЦУПа, но ему подыгрывали из соображения политкорректности. Права качать, не к руководству полётом я бегу, а к Николаю Аполлоновичу Анфимову, Коле Анфимову, знакомому ещё по НИИ-1, а теперь здешнему боссу.

Вспомнит ли он меня? Когда-то мы с ним были попутчиками на жизненном полустанке, в НИИ-1 авиационной техники. Тогда я впервые докладывал свою кандидатскую диссертацию, а академик Георгий Петров, зав четвёртой лабораторией заметил:

– С этим к нашим пограничникам, – имея в виду обращение к специалистам по пограничному слою.

Мы тогда с Николаем были на равных. Он читал диссертацию. Он оппонировал её исходному варианту.

Свою лепту внёс тогда Раушенбах. Его коллега «по станку» в пятой лаборатории в своей диссертации занимался чем-то подобным, и божьим ужасом для него был генерал-майор Академии Химзащиты Михаил Баранаев, знаток этой области.

– Уж если генерал одобрит, – рассуждал Раушенбах – то можно смело защищать. И то, что Баранаев отнёсся ко мне крайне доброжелательно, стало знаковым для него. Впрочем, диссертацию тогда пришлось отложить. Прочих дел было по горло.

Вспомнит он теперь меня? Многое изменилось с тех пор.

Тогда с колиной женой мы плавали в бассейне комплекса «Динамо», а друг мой Юра Спаржин рассказывал байки из молодости о коке Коли и узких брюках. Мы были ровесниками. Он моложе чуть. Да, мало ли что когда-то с нами было. Ну, были рядом, однако в разные стороны ушли тогда наши поезда. Потом, извините, иное дело. Последовал колин резкий взлёт вместе с его тогдашним шефом. Теперь на кабинете его табличка «Руководитель института», и на него моя надежда.

Как могу убеждаю «Колю» остановить беспредел. Я излагаю, а он молча слушает. В приёмной встречаю нашего «вице» Виктора Легостаева, тоже выходца из НИИ-1. Прошу его поддержать меня.

Тогда «наше правое дело», слава богу, удалось. Ситуация разряжается, а в результате на меня рисуется зуб руководителя полётами, который ничего хорошего не сулит. Всё это – невидимые миру слёзы и наша жизнь. Были и прочие недомолвки, сбои сеансов, их переносы, хищения французских рекламных проспектов в ЦУПе, и мы с облегчением вздохнули, когда полётные перипетии закончились.

Меня корёжит некая беспардонность поведения. Мне вспоминаются босые ноги шефа. Когда, знакомясь, он пригласил меня к себе домой и сидя на кухне в разговоре шевелил пальцами босых ног. Не совмещалась моя тогдашняя эстетика с его бытовой бесцеремонностью. Возможно, именно

она стала истоком нашего противостояния. Всего лишь первой каплей, не очень замеченной и случившейся давно.

Нет, я не пушу его в мой собственный мир. Чтобы в нашей квартире остались его мокрые следы. Необходимо хранить память о знаковых местах. Для меня это потухший вулкан Кара-Даг, бухты Сердоликовая и Пуцелановая у подножья его. Разноцветье воды с крохотными пляжами. Встречающиеся полудрагоценные камешки. Сердоликовые слёзы, вкраплённые в прочую породу, отличались прозрачностью и чистотой, радующими глаз, а контрастирующая остальная порода крепка. Очистить от неё не всегда удавалось. Точнее удавалось лишь в редких случаях и считалось, что повезло. В память об этих местах я вожу теперь с собой сувениром зелёный кусочек лавы, обточенный водой.

«Черепажой» мы называли крохотный островок вблизи Судака, на котором мы с десятилетним сыном проводили свое курортное время. В подводной части островка были пустоты и обследуя их, я решился проплыть подводным лабиринтом «Черепажу» насквозь. Плыл насколько хватило воздуха и почти на выходе застрял. Вернуться обратно я не мог, воздух был на исходе. Рванулся вперёд без уверенности, что сузившийся проход пропустит. Мне повезло, я избежал пленна «Черепажой».

Для меня это стало примером, как могут рядом сосуществовать разные миры? Но они сосуществовали с возможностью перехода, что в жизни сплошь и рядом.

А шефа продолжал жить среди молний. Его проколы были, как говорят, на грани фола. На слуху была история с Ириной, «комсомолкой, спортсменкой и просто красавицей», а к тому же женой зама начальника отдела, что и стало причиной его последнего гонения.

С Украины он привёз прокуроршу и биологиню. Он повсюду подбирал свои кадры. Протеже помнили добро. Случилась история с продажей бортовых фотографий за границу, через АПН. Коммерческая деятельность тогда на корню пресекалась. То, что затем считалось доблестью, каралось.

Он был в деле этом замешен краем, а бывшая прокурорша, пристроенная в наш юридический отдел, помогла. Биологиня пристроилась по части бортовых биоэкспериментов, удачно вышла замуж и адаптировалась в здешней среде. В благодарность за стартапы шефу помогали.

Его в это время заинтересовал искусственный интеллект. Возможность заменить искусство техникой. Он отыскал умельца на Новом Арбате с его нехитрым бизнесом, который это подтверждал. Умелец фотографировал клиента, затем проецировал негатив в темной комнате на холст и закрашивал светлые места, что в жизни наоборот – тёмные, и получался портрет. Похожий. Такое можно было поставить на поток- «Изготовление личных портретов». Без вдохновения. Техника на грани фантастики.

Для шефа страна выглядела индивидуальным полем, с которого можно собирать бесконечный урожай. Он был моим

антиподом по части творчества.

Ностальгия была по старому. Времени Королёва. При Мишине пауза по инерции. Казалось, так же и не так. Следом Глушко. Амбиций полон рот. Перестроились, и важным проектам вроде дали зелёный свет, но тяга не та. Разбрелось соборное в кулак, в развал пошло.

Нелегка взрослому смена уклада, всего того, что случилось с нами на нашем веку. Появились ростки непривычного, того, что трудно отнести к приключению. Смотришь и сомневаешься – выдюжу ли? Впрочем, нашли и спасительную воду и окунулись в неё с головой. Как много появилось предпосылок для интриг.

В лаборатории появлялись новые люди. За бывшим столом Виктора приютился временно специалист из ядерщиков. Результатом кадровых перемещений. Это был отёчный еврей, сжигаемый жаждой выдающегося технологического открытия. Всерьез его у нас не воспринимали. Считалось, что есть такая общая болезнь переоценки своих сил. Все это понимали и даже сочувствовали: «Мол, пройдёт». У тех, что были на виду, такое состоялось, и они сочувствовали тем, кто этим обделён. Считалось, сделал открытие, выращивай его, внедряй, а дальше, как получится. Мы его выслушивали и старались поддержать.

– Да, тут такое дело, – растеряно поведал мне он, – есть возможность, но он (шеф) не желает выслушать меня.

Мне он полностью доверял и полагался на меня. У его родственника в мытищинском филиале МИСИ пустуют помещения, которые следовало бы сдать внаём или сбавить с рук. Институту они обузой.

В тот раз мне показалось, что шеф был совершенно стёрт в порошок. Досталось ему, и он способен сдаться. Хотелось его ободрить и поддержать, и я изложил идею. «Нечего выступать по мелочи. Создадим Центр международных грузов. Без всяких липовых ИКИ, в Мытищах, рядом с филиалом МИСИ и стрельбищем «Динамо», в стороне и под боком предприятия. Приёмный анклав – Международный Центр полезных грузов со всеми вытекающими из этого возможностями. Поможем отрасли в лихолетье удержатся на плаву и выдвинемся во гран угла».

Поначалу шеф недоверчиво слушает меня. Он себе на уме, и голова его занята иным. Но я красноречив, и он увлётся идеей и берётся убедить начальство.

Что не говори, он всё-таки труженик и это у него не отнять. Он старательно плел свою ловчую сеть, про которую нельзя заранее сказать, получится ли? Как известно, паутина пауков не проста. В ней свои (сенсорные) ловушки. Как они устроены? Пауку о них не дано узнать. Он ими пользуется. А шеф над своей сетью мучается, и захотелось помочь ему в этот раз, себе же на голову.

Мы поднесли ему проект Международного центра косми-

ческих услуг, проката орбитальных возможностей. Такое и само по себе звучало и открывало перспективы, а шеф разом оказывался в освещении софитов, в фокусе внимания народов и стран.

«Как же так? – думал Генеральный, глядя в лицо стоявшему перед ним. – Немыслимые трудности встречают попытки расширения территории, а тут почти готовые помещения, и ни за что. Может, зря прежние авантюристические начинания соискателя не оценены по достоинству, и пора использовать его «сумасшедшие идеи» несмотря ни на что. Во всяком случае налицо необходимы преобразования; коммерческая суть их стала необходимостью. Предложения эти в струе времени, а проблему руководства и личностей решим. Будет время переменить и устроить.

Он ещё раз оценивающе взглянул на явившихся и кивнул заму:

– Готовьте распоряжение.

«Добро» верховного стало отмашкой. Проекту приделали ноги, и дело пошло. Так у ОКБ появилась четвертая территория.

Суда при плавании обрастают ракушками, замедляя ход, и наш корабль международного сотрудничества начал заметно тормозить. Руководству моё предложение стало ещё одной реальной возможностью в лихое время остаться на плаву.

И дело пошло. Всё разом выкристаллизовывалось. На-

шло место и брошенному подразделению, что было до этого «пришей кобыле хвост», прибавились киевские работники, а во главе, разумеется, стали кураторы лаборатории.

Помещения сходу перестраиваются, и к следующей встрече с французами их принимает новенький НИЦ – Научно-исследовательский Центр. В нём всё как надо: зал приёмки аппаратуры, рабочие комнаты. В большом кабинете шефа даже скрытая панелями шведская стенка, позволяющая в паузах заниматься гимнастикой, предусмотрен буфет с мини-кухней якобы для иностранцев и позволявшая нескольким сотрудницам этого автономного цеха обслуживать шефа и иже с ним.

Смелость города берёт. Шеф демонтирует структуры и оформляет очередной выпуск Внешторга в ОКБ. Позже он сталкивается с еврейской предприимчивостью в лице его делового двойника, соратника, сотрудничавшего рядом, бок о бок и обратившим шефовы предпочтения на себя.

Украинские подрядчики отремонтировали и частично перестроили помещения филиала МИСИ, был выпущен утверждающий приказ и начались невероятные по нашим понятиям преобразования. Новоиспечённое подразделение было обозвано НИЦом – Научно-исследовательским Центром полезных нагрузок. Случилось прямо библейское: «Вначале было слово». Моими устами у нашего славного ОКБ появи-

лась ещё одна, четвёртая территория.

Этим можно гордиться, продавая полётные услуги. Приходит время становиться продавцом, а не только обеспечивая технологическую суть.

Нас пока немного. Но дело не в количестве. Я был поражён, когда узнал, что в Древней Греции -этой кладези культуры и истории было всего десять миллионов жителей. Мир, подаривший столько сказаний и легенд был меньше Москвы.

Наш шеф, наконец, оказался «на коне». Группа прикомандированных к НИЦу шоферов по его идее была командирована в Японию, закупить подержанные легковые машины, и спустя короткое время в Мытищах появились экзотические «мицубиси» и «ниссаны». Остатки бушуевского секретариата наконец пристроены.

Я заехал перед работой в НИЦ. Атмосфера здесь царила иная. За окном озеро и лес. А красавицы-буфетчицы в купальниках, уже по-хозяйски хлопотавшие, собирались перед работой выкупаться в озере. В огромной приёмной скучала новенькая секретарша. Большой необычный по тем временам телевизор был включён. Размах нововведений поражали.

Пастухов из бушуевского секретариата, взявший на себя громоздкий строительный цикл и как бы прорабство, несомненно, метил шефу в замы. Так бы, наверное, в дальнейшем и произошло, не случись оказия. Дух предпринимательства ударил им мочой в голову, и они придумали бизнес- идею

развлечения для иностранцев – охоту. Ниссан отвозил желающих в охотхозяйство на охоту, разумеется, не за бесплатно. Эту затею им удалось всего лишь пару раз осуществить, потому что кто-то из своих же на них настучал, маршрут поездов отследили, что было несложно из-за экзотичности автомашин, а новоиспечённых предпринимателей с треском уволили с предприятия.

Шеф уже бредил идеей и вслух неожиданно для окружающих размышлял: «...и ещё необходима охрана. Лучше из инородцев. Проверено практикой. Они без сантиментов и отчаянные». Мне он предложил тогда стать его замом, но мой азарт состоял тогда в том, чтобы демонстративно отказаться, сказав: «Если бы я хотел, то давно был бы руководителем...» и прочую чушь, что казалось мне верхом самостоятельности. Хотя это – правда. Я не инфицирован властью. Решать за других мне в тягость. Я чувствовал себя тянитолкаем Лофтинга, способным скакать по жизни взад и вперед. В детстве меня влекли диковинные животные и я верил, что есть тянитолкай, зверь, у которого перед задом, разом в котором совмещено прошлое с будущим, а недоумение шефа доставило мне радость.

Шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия – особенное время смены поколений. Руководство предприятия представлял ещё на глазах рedeющий слой основоположников, начинавших и вынесших становление ракетной тех-

ники на своих плечах, а новое поколение, жизнерадостной толпой подступало, меняя начисто сложившиеся порядки.

Мою дальнейшую деятельность можно назвать «эстафетой отторжения».

Первое международное сборище в НИЦе выглядело потрясающе. Зал сиял огнями. Приглашены были экипажи, кураторы наши и из ИКИ. Работало разом несколько групп в разных частях зала. Действо чем-то походило на спектакль «Много шума из ничего», а получив должный размах. НИЦ заработал на полную катушку, и мы смотрелись винтиками в нём.

Кончилась полётная горячка. Я оформил отпуск чтобы осуществить сумасшедшую идею – написать книгу о проекте – полёте французского космонавта. Название её уже созрело в голове: «С высоты птичьего полёта». Собственно, тянуло писать не о самом полёте, а о Франции, о подготовке полёта, о работе с французскими специалистами, о том, что поразило больше всего.

Так или иначе я её написал. А выйдя из отпуска обнаружил очередную подставу. Сработал дует Таисия-Маша. Для завязки следующего французского полёта в команду записана Маша, а я – руководитель подобных работ – не при чём. Протестовать, переделывать было поздно, и Маша отправилась во Францию в новом качестве.

В результате произошла трансформация. Она там, во

Франции что-то наобещала, и теперь я должен был это выполнять. Начальник и подчиненная поменялись местами.

Шеф в отношении меня действовал преднамеренно. Что оставалось констатировать. Как говорит в похожих обстоятельствах мой внук? «Я уже готов. Я уже в коробочке». Это была политика укрощения строптивых. Древние приручали первых животных, ломая им ноги.

Возглавить столь крупное новое подразделение ОКБ шефу поначалу не светило. Им была выбрана скрытая стратегия. Руководителем НИЦа был назначен первоначально космонавт Виктор Савиных. К нему не было претензий. Особенность заключалась лишь в том, что он имел стойкое желание уйти вскоре на вузовскую работу. Шефа утвердили его замом, а после ухода Савиных он автоматически возглавил НИЦ, став заодно и замом Генерального. Это было грандиозное назначение. Шеф был опьянён своей властью. Его понесло в разнос. У каждого свои фобии. Я сам был чуть на него похож. Меня тянуло окружающих огорошить. Например, удачным расчётом удивить.

Начало НИЦа напоминает самозарождение жизни. Оно начиналось с нуля. Затем последовало несложное объединение, а после подразделение росло как снежный ком. С ростом коллектива, казалось, у шефа росло уважение к себе. Он свято верил, что все его подчинённые должны работать только на него.

Совещание в МИДе. Шеф в центре и на виду. Как пра-

вило, здесь собирались дипломаты. Теперь же центром всеобщего внимания наш шеф. Ему доставляло удовольствие участвовать в пресс-конференциях, остроумно отвечать не задумываясь, по-своему, с долей дешевого балагана. Теперь было важно не потеряться в коридорах власти и стать своим. Особую роль сыграют личные знакомства.

Случилось продолжение сериала с Петей Короткевичем. В статье «Независимой газеты» известного перестроечно-го журналиста жестянщик Паша Короткевич выступает спасителем отечества, «создателем нового поколения ядерно-стратегических вооружений». По его словам, он из тех, кто выковал «щит и меч» страны. Он якобы академик и при Думе. Время сложное и всем, вроде, на самозванца наплевать. Только не шефу. Статья вызывает бурю его негодования, и он строчит гневное опровержение в газету.

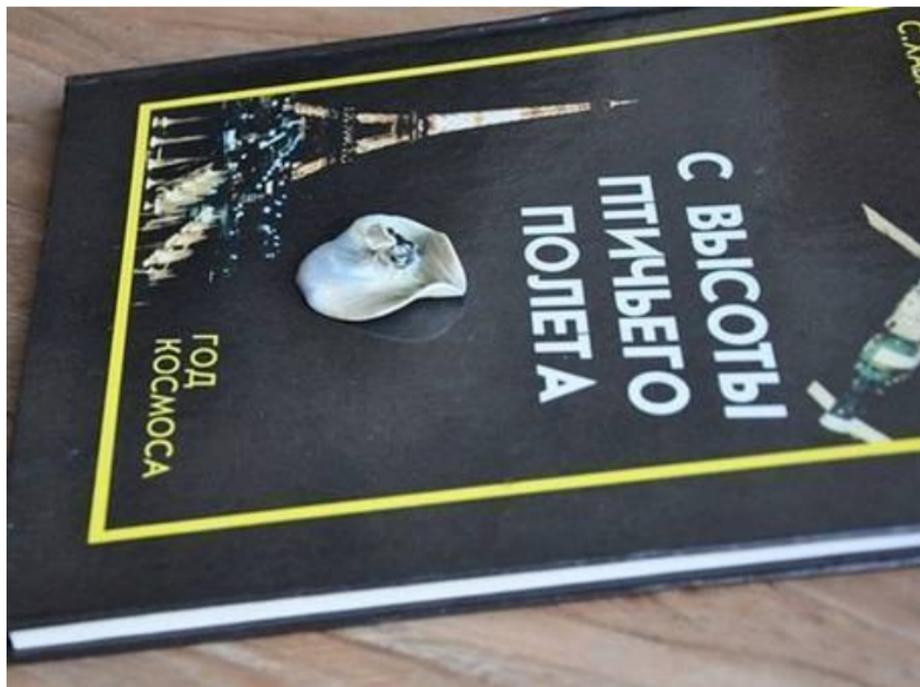
О Короткевиче больше мы не слышали. Должно быть письмо сыграло свою роль в разоблачении академика-проходимца.

Книга в целом мною была закончена. Оставалось иллюстрации подобрать и местами чуть переписать. В ней о шефе не было ни строчки. Он о книге прослышал и попросил рукопись.

Я долго тянул. Дал прочитать только моей приятельнице Марине. Она быстро прочла и похвалила. Искренне. Так показалось мне. Не нужно похвал, а, может, чуточку сочувствия и всё встанет на свои места. Она сказала:

– Я словно побывала в Париже...

И этого вполне. Она даже подарила мне миниатюрный сувенир, который я храню до сих пор. Смеющаяся крохотная лягушка на крохотном листке в пандан с моим образом лягушки -путешественницы. Её отзыва мне было достаточно.

Подаренная лягушка на книге воспоминаний.

А шефу книга не понравилась. Он высказал своё мнение:

«Я – ни я и книга не моя. Целиком из энциклопедии списано. О Франции. Её следует в свете текущих событий переписать».

С писаниной меня не собьешь. Я опытен. И ежу понятно, книге не хватает шефова присутствия. На его взгляд. Добавить чуть и всё встанет на свои места. Книга станет достойной и понравится.

Кстати, об отзывах. Мне вспомнилась история времён 27-го отдела. К юбилеям в ОКБ было принято писать друг другу от подразделений приветствия. Одно время участились они, и когда в очередной раз нас попросили написать, мы решили соригинальничать, довести приветствие до абсурда. Написали его в виде дацзыбао, в стиле времени. «Светлое, пресветлое солнце, – писали мы о юбиляре. – появляясь на нашем горизонте, ты освещаешь путь повсеместно...» и прочую чушь, надеясь, что над ним просто посмеются, а в верхах тогда только заметили: «Ребята перестарались чуть».

НИЦ праздновал свой первый Новый год. В демонстрационном зале накрыли столы. Новогодний вечер стал первым вечером объединенного коллектива. Он развёртывался по всем правилам тогдашнего корпоративного застолья. Выступил от администрации Берлатый. Во время его тоста мы заменили водку в его стопке водой. Выпив её залпом после тоста, он был несказанно удивлён. Я спел на английском

«Жил отважный капитан...», что сохранилось у меня в памяти от школы, пятого класса, от далёких дальневосточных времён. Маша, сидевшая рядом с Марковым, визави со мной за столом, уверяла, что села так из-за особого расположения ко мне.

Доступ к телу шефа был ограничен. «Пришельцы» из внешней торговли вели себя уверенно, как трутни, не подпуская прочих к матке. Всем видом своим показывая, что так отныне и будет впредь. Старший из них за особым столом шефа Цербером успешно пресекал привычные контакты. Доступ к шефу был строго дозирован что было новым, необычным и шефу заметно нравилось.

Подогретые вином сотрудники обычно свободно вываливали начальству свои наболевшие проблемы. Но не в этот раз. Все шутили и выделывались напропалую. Но осадок нововведений накопился к концу, когда присутствующие разьежались, и я выдал «всем сёстрам по серьгам».

Поведение новой формации настораживало, и меня прорвало. Свои потоки возмущения я обращал к Митичкину, оказавшемуся рядом и с виду сочувствующему. Остальных новеньких мои воззвания возмущали. Для них новогодний вечер как бы завершал организационный апофеоз, создание нового Центра, кентавра с телом от прежнего ОКБ и по-своему нового.

Представители бывшего секретариата помалкивали. Они были довольны тем, что наконец пристроены. Возможности

созданного центра рисовались пока неясно, но новое подразделение встраивалось в структуру КБ и вело от былой неопределённости к желаемой упорядоченности. А новоиспечённые сотрудники со стороны вообще рисовали радужные перспективы и были готовы головы положить за его создателя и руководителя.

Всё бы ничего, но слишком навязчиво претила преданная готовность стерегущих шефа сторожевых псов. И в конце я не выдержал. Весь поток мой обрушился на Митичкина, который с виду сочувствовал, хотя его толком не поймёшь.

Мы уже сидели в рафике, отвозившем рядовых сотрудников к станции. Мои «филиппики» нарушали всеобщую эйфорию. Возмутилась новая буфетчица, бывшая на особом положении и заявившая, что те, кому не нравится, могут выйти вон. Рафик был в подчинении хозяйственных служб. Я тогда в сердцах плюнул и вышел. Винные пары ударили в голову, и я пошёл к лесу, в противоположную сторону. Всё наверняка плохо бы закончилось, если бы меня не перехватили на следующем перекрёстке и не довели до Мытищ. Словом, и смех, и грех.

Прибывшая публика, казалось, со временем освоилась, к ней стали привыкать. Им повезло, время работало на них. Старший из внешторговцев играл уже роль фактического зама шефа. Меня он как-то подвёз на своём личном бээмвэ. Апофеозом гремел в его салоне голос Виктора Березинского: «Есть у тети Мани мани мани мани

Мани тёти Мани – средство от беды.

Есть у тёти Мани мани мани мани

И она сухой выходит из воды...».

Он казался гимном новой эпохи и ничто не предвещало разгрома и близкого заката. Поездка с завязкой торговых отношений в Китай вместе с заместителем Генерального конструктора была для него последней. Выпивка в самолёте и скандал по прилёте в зале прибытия стали причиной его увольнения с предприятия. Остальные члены его новоиспечённой команды, постепенно убедились, что НИЦ далек до воображаемого благополучия, обычного в их внешнеторговой сфере. Поварившись в нашем промышленном соку, они прирождённым торгашеским чутьём просекли, что это совсем не то и потихоньку слиняли с горизонта, используя свои ресурсы и возможности. Этим торговый ренессанс шефа закончился и коммерческие задачи были практически переданы другому подразделению ОКБ, вовремя перехватившему инициативу.

Каждое утро от НИЦа отправляется грузовик с молодежью – строить шефовой дачу. Все весёлые и довольные. Недовольных давно убрали, хотя и не всех. Этот трудовой беспредел возглавлялся Марковым. В этот раз они немного задержались, грузили казенный холодильник. Ничего для шефа не жалко. НИЦ стал самостоятельной кадровой единицей, четвёртой территорией. А что касалось и отдела Берлатого, в тяжёлую минуту приютившего лабораторию, который так и

остался на третьей территории. Об его начальнике шеф как-то мимоходом заметил, что мог бы взять его в НИЦ разве что охранником.

Маркову это повиновение зачлось и его вскоре утвердили замом шефа. Впрочем, он и сам к этому руку приложил.

Это был особый проект, мудрый в своей основе. В какой-то мере даже благородный. На волне всеобщего омоложения, когда увольняли всех старше пенсионных шестидесяти, удалось удержать и сохранить у себя на время редкие конструкторские кадры и с их помощью осуществить воплощение перспективных солнечных батарей. Подвизаясь в качестве «меньшого балды», попутно впитать их опыт и отправить ветеранов на заслуженный отдых, выжав исключительное возможное. В группе Маркова продолжала трудиться какое-то время как раз такая конструкторская пара аборигенов, муж и жена старой опытной королёвской школы, благодарные за временное сохранение их на фирме, хотя и ненадолго.

В результате дело было сделано. Конструкция воплощена в чертежах, ветераны согласно приказу уволены, а их опыт востребован и посчитался заслугой других. Протяженные солнечные батареи были запросом времени, для начальства «яичком к христову дню», и команда Маркова получила разом проходной билет в будущее. Солнечные батареи стояли в повестке дня.

Солнечные батареи сыграли свою роль в построении иерархии НИЦа.

В очередной раз я был вызван на ковер. За короткое время из светлого мира справедливости я погрузился в вязкую атмосферу интриг, несомненными подкастами которой стали байки из мира руководства, поветрия, доходящие сверху, от которых зависело решение текущих вопросов. Появилось и некое умение с долей интриганства, способность понять возможность решения в связи с обстановкой и настроением начальства, что составляет будничную жизнь аппаратного царедворца не важно какую сферу она охватывает, коридоры

верховой власти или театральную жизнь.

Но всё имеет предел и когда подобное накопилось, захотелось сказать: «Баста. Всё. Хватит. Пропади оно пропадом. Провались ко всем чертям. Нет.», где по смыслу следовало сказать: «Да». Плюнуть, уехать и может лишь со стороны наблюдать за этой вознёй. Впрочем, лучше обойтись и без неё, а как говорят, начать жизнь с чистого листа в заведомо стерильных местах. А где они? Изменилось всё кругом. Потопки, просачиваясь пропитали, меняя почву, на которую трудно встать, не погрузившись в неё с головой.

Звонок сверху звучал приказом отправляться в Мытищи. На это требуется время. За остальными он машину пришлёт. Так или иначе к назначенному времени собрались в его огромном новом кабинете. Огромный письменный стол и впритык к нему стол заседаний, словом, всё в лучших традициях эпохи. Не обошлось даже без тропических растений в кадках по углам, которыми поделилась по знакомству оранжерея ботанического сада с запросом для нужд космической отрасли. Началось разбирательство. Впрочем, и я не лыком шит, да и видимая атмосфера доброжелательства. Были, правда, и настораживающие нотки, но в целом настроенность на положительный итог. «Хватит копыя ломать, и для пользы дела пора...» Нет, я затрону ещё один эпизод. Слушают только из вежливости. Ведь разобрались и всё решено. Последним словом итог. И тут я их всех ошарашил: «Всё ваше коллективное блудотворчество не по мне, и я увольня-

юсь.» Немая сцена. Пауза. Занавес.

Я никогда до этого не сталкивался «нос к носу» с беспределом. Я только читал и слышал про абсолютный беспредел. Про то, как во сне, где всякое становилось возможным. В игре без правил, что в воображении порой. В жизни кругом рамки и заборы. И это невозможно, и то. А ты летишь надо всем и мимоходом замечаешь, как всё удачно разместилось внизу. Без тротуаров и дорог. Летишь куда заблагорассудится. Ни светофоров, ни машин, ни пешеходов по сторонам. Скользишь над миром сказочным ковром-самолётом.

На обратном пути пешком на станцию, на работу, пешедралом в отличие ото всех, я упиваюсь всеобщим недоумением и это – короткое удовлетворение за неизбежно следующей чередой бед. Я оформляю отпуск и еду к сыну в Америку.

Это был заключительный этап реконструкции. Оставалось немного: отделаться от неугодных, разномастных и разнокалиберных. В число которых угодил и я. Мне, не задумываясь, Марков объявил об изменении тематики, хотя, как известно, я в разной тематике начинал.

Подвоха я до этого не подозревал. Правда, была послана первая «чёрная метка». Со всем в то время был дефицит. Всё распределяли. На комплекс как-то выделили автомашину и местный Совет трудового должен был решить кого осчастливить ею. Претендентов, собственно, было двое: я и Лидия

Фёдоровна. В нашем Совете тогда хороводил Сашка Марков и решили поощрить Лидию Федоровну, дружно проголосовав против меня, Председателя Совета, что было совсем нетипичным для того времени. Члены совета, наверное, чувствовали куда задул ветер.

Вернувшись из отпуска, я договорился о месте в отделившемся новосозданном подразделении, куда сливались недовольные НИЦом кадры. При переходе Марков не хотел отдавать со мной мою единицу, что было его очередной пакостью мне. Пришлось вспомнить былое и обратиться к «Космическому зайцу». Он тогда всё оперативно через верха организовал, за что я был ему безмерно благодарен. Мне оставалось только закончить здешние дела и пофилософствовать при переходе. Я долго терпел. Но всё в жизни можно объяснить. Наши терпение и покорность – наследием крепостного права. Объяснив, становится спокойней, переложив ответственность на других.

А с шефом... В одиночку с ним бесполезно бороться. Его «кащеева игла» – насолить сразу всем. Такое пришлось подождать. Существуют вопросы нерешённые и отложенные. Со своими выкрутасами шеф постоянно был у руководства бельмом на глазу.

Время с виду отличное и шеф на вершине. Но очередной прокол. Когда в верхах Маркова спросили: «Нельзя ли в НИЦе обойтись без шефа?», он ответил: «Обойдёмся», чем походя решил отложенный вопрос, хотя и подтвердил поговор-

ку: «Сколько волка не корми, он в лес смотрит». Перевертыш он и оборотень. Но с тиранами действуют именно так. Иначе сам попадёшь под раздачу. Вогнал он этим шефа поначалу в ступор, хотя и ненадолго.

Что у шефа тогда творилось в голове? Нетрудно представить. «Уцепиться и удержаться любой ценой» – наверное. Но так на наш взгляд. Мы мыслим за шефа слишком просто. Нам кажется ясным и не нужно объяснять. А что ему в голову придёт?

В трудную минуту, что помогает? Я не общаюсь с бывшими сокурсниками по факультету «Боеприпасы артиллерии». Жизнь нас развела. Именно у них на совести все эти смертоносные кубы и буки. Несколько человек я, пользуясь случаем, в ОКБ перетащил. Виталька Москаленко угодил в КГБ. Думаю, не зря он с иностранцами- студентами в общежитии жил. А «Корифей» под видом журналиста служил в Сирии. Жизнь остальных мне неизвестна. Правда, Амиран Чинчинадзе с соседней кафедры стал знаменитым кино-сценаристом, а Евгений Шахиджанов лауреатом Ленинской премии и возглавлял испытания разных ракет, но о них я узнаю заочно по долетавшим сведениям. Из прошлого они, присутствуют в моей памяти и помогают мне.

Заключительное рабочее совещание на этот раз состоялось на памятной второй территории. Оно затянулось и столовые территории закрылись. Не успевшим вовремя по-

обедать оставался альтернативный вариант. За ярославским шоссе раскинула павильоны-шатры осенняя ярмарка. В красочных шатрах можно было найти всё. В латвийском павильончике подавалась копчённая курица с коварным молодым вином. Там мы и перекусили. Вернувшись на территорию, я хотел было зайти к своим бывшим, исходным из 27-го отдела, но до конца работы осталось полчаса, и я решил вернуться к ярмарочным шатрам и добрать.

У периферийной обычно безлюдной проходной пришлось задержаться. Проходила иностранная делегация новой международной программы «Морской старт». Замыкал её Лёня Жаворонков, мой любезный начальник и друг по морским плаваниям на специальных кораблях. Мы давно не виделись и обнялись. Я предложил зайти «на миг» в облюбованный мной павильон – отметить встречу. Так мы и сделали. Леня не спешил. Рабочий день закончился и делегацию отправят восвояси без него. К вину добавили и нечто покрепче.

Возвращаться можно было двояким образом. Огибая вторую территорию вдоль железнодорожных путей до станции и снова через проходную со стороны ярославского шоссе. Мы выбрал второй, который короче. Смена закончилась и народ валил к центральной проходной. Проблемой было пройти её незамеченным.

По дороге повстречался нам Митичкин. (Он всегда оказывался рядом в бифуркационной точке). Мы бурно его приветствовали. Сверхзадачей нашей было пройти незамечен-

ными проходную.

Проходная была успешно пройдена, когда мне внезапно стало плохо. Закружилась голова. Посадив меня на ступеньки бюро пропусков, Леня отправился к соседнему пожарному депо отыскать доступный подручный транспорт. Ночевал я у него, в Подлипках на Проспекте Космонавтов.

Настоящие тираны всех перековыывают. Достают из глубин души то, что таится на дне. Митичкин натуры своей до поры, до времени не выявлял, трудился как все и вёл себя скромно, ждал, наверное, когда наступит его момент. В этот раз он не поленился и на всякий пожарный случай Маркову позвонил из бюро пропусков. Сигнализировал. Это ему зачлось.

Не всем подходит такое. Как учили меня родители: «Доносчику первый кнут и первая палка», хотя бог ему судья. Может самому станет стыдно. Один он встретился такой. Остальные знакомые выражали только сочувствие. Дальше случилось непредвиденное. Марков проявил себя настоящим христопродавцем в отношении меня, побежал жаловаться вице-президенту, как Иуда к первосвященникам.

С вице-президентом мы встречались редко, по случаю. Моим правилом было решать проблемы ниже уровнем.

Помню раз в европейском проекте мы оказались рядом в маленьком нидерландском местечке с маяком, где проходила очередная проектная встреча. Утро. Домашние хозяйки на велосипедах с корзинами, притороченными к рулю, дружно отправляются на рынок. На берег моря на пробежку вы-

ходит вице-президент в спортивном костюме, а наши участники встречи, что гужуются на берегу, здороваются и не замысловато шутят: «Куда бежать, если всё закрыто ещё?» В поездке мы доверительно общаемся. Потом не раз мы встречаемся по делу и доброжелательное отношение сохраняется. Думаю, Марков сего жалобой был ему неприятен, но для порядка пришлось выслушать его и отдать распоряжения.

Марковское прощальное «прости» при переходе мне так было не кстати. Такое на прежнем месте невозможно вообразить. Обычно у нас друг друга выручали. Об этом нельзя даже помыслить в 27-ом отделе. Там от подобного охраняли свои двенадцать апостолов. И можно было трудиться в полную силу или бездельничать, но ты был защищён. Такое не ценится до поры, кажется естественным и оценивается задним числом по праву. Мы считали, что живём в мире справедливости, хотя это было не так. Справедливость ограничивалась границами отдела.

Мы пока всего этого не знали. Леня, наняв машину, доставил меня к себе домой, где я труп трупом и переночевал, а поутру, добравшись до дома, позвонил на работу сказавшись больным. Мне оформили отгул, но при этом предупредили, чтобы я непременно предоставил справку, потому что существуют обстоятельства. Ко всему прочему я подвернул ногу и добирался до дому кое как. Справку я принёс. Мне было стыдно пред семьей Лени. Я предстал таким негодным образом.

Нас намеренно ссорили с французами. Не пойму для чего? Что-то плели за спиной? Налицо было заметное охлаждение. Пользы это не принесло и наши былые отношения остались для нас воспоминаниями. Действовали они как наша теперешняя пропаганда, как кислота, разъедающая даже благородные металлы, и нужно было быть из такого материала, как знаменитый индийский метеорит, чтобы не податься и не испортиться.

Слабым утешением оставалась возможность творчества. Когда в окне телевизора в праздник над обелиском Вашингтона взлетают и гаснут роскошные огни фейерверка и безостановочно гремит музыка Чайковского напоминанием и надеждой, что будут лучшие времена. Всё изменится и о том, что ты русский будет не совестно сказать или помолчать чувствуя. Краской русскости звучали и шансон американки Дины Дурбин в фильме «Сестра его дворецкого», и стихи Есенина, и романы Толстого и Достоевского. Как бы нотой справедливости. Для себя, для семьи, для всех. Для народа, наконец, если выразиться выпендренно. Возможность творчества искоркой праздничного салюта согревает тебя.

«Меня не тянет Америка, – сказал как-то Раушенбах, – потому что в ней не было средневековья». Может, я вспоминаю его слова не дословно. Средневековье – странная пора, что была кошмарна для жизни и не удобна, но оставила нам целый пласт шедевров искусства и архитектуры. Хотя не бы-

ло тогда современных технических возможностей. Ни фотографии, ни связи, ни медицины и прочих удобств, продлевающих вдвое жизнь. Было время ужасных эпидемий, карающей религии и духовного взлёта.

Техника, конечно, вправе сказать своё решающее слово. Вспомним приход в Европу Атиллы. Решение технической проблемы – стрельбы из усовершенствованных луков с коней привел к военным поражениям римлян – высокой тогда цивилизации и все её достижения, казалось, рухнули «коту под хвост». Победила голая практика. Приход гуннов воспринимается потерей некоего духовного начала. Того, что не только физически и мысленно позволяет взлетать над землёй и видеть всё со стороны. Без волшебного взлёта, оказывается можно жить, так и не узнав волшебных озарений творчества, чудес любви в её проявлениях, твоей Гипербореи, подменив их бескрылой практичностью.

Книга моя издана. В ней не про тиранов. Разве что намёком, вскользь. Я теперь часто об этом думал. Ладно бы думал, написал, не пустив пока написанное в плавание, в появившийся интернет и переживал, хотя не изменил своего мнения, понимая, что не поймут и несвоевременно. Не хотелось встречаться больше, сделать вид, что ничего и не было. Перевернута страница биографии, только и всего.

Жизнь тогда свела меня с тиранами плана местного. Оценки их, можно сказать, философского плана. Скажем о их появлении. Историография загадки их самозарождения

повсеместна и многолика. На первых порах им даже сочувствуют. Тиран, раздираемый желаниями, одинок. Ему необходимо сочувствие. Преданных и обожающих. Тех, что за ним в огонь и в воду. Неизменных даже тогда, когда о них он станет ноги вытирать. Отношения их основаны не на разуме и сродни сектантству. Ищущие идола, а он ищет сочувствующих. Поначалу. Неосознанно. Не успокоится пока не найдёт. Ему это крайне необходимо.

Соискатели стремятся к нему, потому в воздухе запахло парадигмой «дал-взял». Они встраиваются в поток, как брёвна в проране. От этого общее течение каменеет. И вот он впереди плотогоном. Но ему нельзя дремать, потому что повсюду шустрики. Святое дело – избавляться от них. Когда это удаётся – праздник. Смотреть вперёд и вербовать новых соратников, из тех, что не обгонят тебя. Принцип «дал-взял» в основе всего, на знамени.

Хотя, если разобраться, кто я с моими оценками? Досужий куратор нравов? Что себе позволяю? Когда мир катится к очередной катастрофе? Такое в порядке вещей и случалось не раз.

Перестройка запомнилась мне бесстыдством вседозволенности. Одним житейским случаем. Много менялось на глазах. Не успев пообедать на территории, я зашёл на фабрику-кухню, что рядом с проходной. Наш продовольственный-пищевой комбинат успел среагировать нововведением. Здесь появился уже коммерческий отдел, в котором можно

было за особую плату заказать особые блюда. Я и выбрал такое: шашлык на вертеле. Отпускающий, он же VIP-повар поставил блюдо передо мной, заявив, что шашлык последний к сведению очереди. Вдруг из-за моей спины протянулась рука и сдвинула мой шашлык по стойке к себе. Это было наглым вызовом. А как оставалось реагировать мне? Затянуть с нахалом драку? И с его приятелями? Присутствие их было не в мою пользу. Следствием бы оказалась милиция, по опыту неспособная справедливо решать. И оставалось стерпеть, а по сути, потворствовать наглости, переживая унижение без срока давности. Сдерживающей деталью оставался и факт моего неположенного присутствия в рабочее время за территорией.

Трудно жить без опоры. Опора нужна. Убогим предлагается религия. Опиум религии. Нелепо их этого лишать. Как детей лишить сказок про волшебников и деда Мороза.

Всё менялось на глазах. Карьерный рост стал суммой компромиссов. Расцвет политики «дал-взял». Участились обсуждения в курилках. Но мало ли о чём говорят. «Не может подобное случиться со старой гвардией, – размышляю я, не вполне уверенный в истине слов о нюансах житейского моря. Во всяком случае не хотелось бы, чтоб такое имело место хотя бы со знакомыми и в наших краях, хотя пойми это время».

Я как тот зверь, родившийся в зоопарке и выпущенный в лес взрослым. Как детдомовец, с наивными представлени-

ями о добре и зле. Не защищённым, наивным. С загадкой эволюции и причинно-следственными связями. С рассуждениями о судьбах мира и проблемами в семье. Что сделало нас умными? Хотя, если присмотреться, в меру и не очень. Бесплезно рассуждать о всеобщей пользе. Жертвуем и подчиняемся чаще случаю и идолу. Ради чего? Нам дано наследием огромное плодородное поле и каждый старается в нём участок урвать.

Конечно, проще всего плюнуть и уйти. Легче, когда есть куда. Одновременно с НИЦем возникло коммерческое подразделение с его новым лидером. С тем, что поначалу бегал с шефом «ноздря в ноздю».

Это было особенное время. Все беды, сказочной лавиной валившиеся на нас, тут же рассеивались. Казалось, их все принимает на себя волшебный Стекланный Человечек. Оставалось только его за это благодарить.

Откуда лидеры и что формирует их исходные корни? Всё может быть рядом, в двух шагах. Одновременно и на общей почве. Во Владивостоке дружили наши отцы, и в соседской дружеской семье рос мальчик по имени Юра Скоков. Мальчик и мальчик, рядом и на виду. Из-за разницы в несколько лет я воспринимал его «малявкой». То, что после я о нём вычитал, удивляло тем, как близко он оказался к верховной власти. А интеллигентный Юра Батулин – скромный отдельский инженер, ставший опять-таки ельцинским секретарём Совета безопасности. И Алексей Елисеев, до поры до време-

ни незаметный аспирант, слетав проявил недюжинные качества.

Как-то по случаю я попадаю на общее мероприятие в ЦПК, которым руководит Лабарт. Он за центральным столом с другими. Мы теперь с ним в разных программах и редко встречаемся. Очередное подведение итогов и банкет о ля фуршет. За моим столом вежливые девочки из Белоруссии – переводчицы. Им посчастливилось поучаствовать в событии, и они счастливы. Я здесь сбоку-припёку.

Когда заканчивается, подхожу к нему. Не могу не подойти. Мы не чужие. У нас есть история. Воды времени порой разделяют нас, но минувшее ещё свежо в памяти. То да сё. Какие новости? Как общие знакомые? А ещё я книгу написал. Прошлое в тумане времени и, чтобы не забыть, она написана.

Книги он моей не читал, но слышал о ней. Слухами земля полнится.

– Не любезна она...

И на мою голову выгружается набор знакомых выражений шефа и Таисии. Неприятно осознавать, что бывшее перечеркнуто и вновь чувствовать присутствие босых шефовых ног. Мы расстаёмся, кинув воспоминания на дно сундука памяти.

Мадам Тулуз и Лабарт – всё-таки элементы организационного начала, а чисто технические Магод, Обри, Мишель Ко, Ив Дансе – совсем иное. Они со мной, хотя мы и не встре-

чаем.

Книга по мнению прочих не плоха, ни хороша. Она такая как есть. Она правдива, а правде не обязательно быть красивой. Книга восстанавливает правду и это теперь важно для меня.

По натуре я не злобен и пробую оправдать своих мучителей. Их замену духовности практичностью, хотя они, по моему, несравнимы, как замена материнской любви заботами детского дома. В этом как бы столкновение начал, соревнующихся и спорных. Да и можно ли сравнивать несравнимое, исключительное, как органная Токката Баха, как церковь Вознесения в Коломенском, как пространство пустыни для бедуина?

Мои истязатели – бескрылы. Они считают, что нужно долго копать огород, на котором потом само всё вырастет. Всего добиться трудом. «Количество переходит в качество». Только как оно может перейти? Всё остаётся трудотворчеством. А взлёт – иное.

Они выискивают новые издевательства. Зарплата в перестройку складывалась из оклада и надбавки. И унижение меня состояло в том, что надбавки мне начислялись мизерные, вдвое меньше моих подчинённых, за которых я выполнял основную работу. Мне было нужно себя вести очень осторожно. Моё поведение напоминало движение в скалах, над бездной, где одно неверное движение грозило стать последним и к фатально-необратимому вёл неудачный шаг.

Старшая экономистка Наталья это понимает и сочувствует, но руководство для неё -высшие силы, непреодолимые, которые следует принимать не обсуждая.

В бытовом плане главной проблемой была в то время продовольственная. В стране хронического продовольственного дефицита существовали термины: «выбросили» и «достать». Каждый выживал, как мог. Власть имущие и приближённые к ним отоваривались в особых магазинах и имели пайки. Символом эпохи были бесконечные продуктовые очереди. Поднявшись по ступенькам власти шеф урвал свою долю дефицита.

Теперь мы редко встречались. Я встретил шефа у входа в склад, что размещался в подвальном помещении гастронома.

– Помоги, – бесцеремонно распорядился он.

С шофёром Толей мы тащили к стоящей в стороне машине какие-то ящики с дефицитом, полагавшиеся випам, потому что теперь он вошёл в круг тех, «для которых нет правил и исключительное всё». Он считал, это по праву и распоряжался этим, а мы для него уменьшились в масштабе.

Не смог я ему отказать. Мы таскали тяжёлые коробки из подвального склада в багажник машины. Обидно вдвойне. Ведь это я по большому счёту стоял у истоков теперешнего восхождения шефа. Я подсказал ему дверцу за холстом в нищей каморке Папы Карло, а теперь таскал для него блатные грузы местного распределителя. Уступивши раз, стано-

вишься вечным слугой, как ты бы себя не убеждал, что это последний, ничего и нужно через себя переступить, на подобное внимания не обращать. Случайно, мол, помочились на тебя и пройдёт. Но против факта не попрёшь.

Оценки мои можно сказать философского плана. Поневоле становишься философом. Случайно ли появление тиранов? Историография их повсеместна и многолика, с загадкой самозарождения. На первых порах им, как правило, сочувствуют. Раздираемый желаниями одинок. Ему нужны эмпатийные. Преданные и обожающие. Те, что за ним в огонь и в воду. Отношения их, хотя и основаны на разуме, сродни сектантству. Ищущие идола. Патрон тоже ищет поделщиков неосознанно. Не успокаивается пока не найдёт. Соискатели сами стремятся к нему, потому в воздухе запахло парадигмой «дал-взял».

Хотя, если разобраться, кто я, со своими оценками? Досужий куратор нравов? Что позволяю себе? И что из того, что мир катится к очередной катастрофе? Такое в порядке вещей и случилось не раз.

Господи, помоги. Мой брат, которого нет в живых, помогает мне. В рассказе Хемингуэя «Никто никогда не умирает» схваченная близ Гаваны девушка повторяла: «Они помогут мне. Мертвые помогут мне.»

«Казалось, – написал Хемингуэй. – она обрела теперь странную уверенность. Таковую же уверенность почувствовала

чуть больше пятисот лет назад другая девушка её возраста на базарной площади Руана... потому что здесь была древняя магия, посильнее амулетов».

В чем моя магия? Давно девушки не выделяют меня из деталей интерьера. Но мне интересно, что они думают. У них незамутненный взгляд.

– У вас Маша расцвела», – говорят мне экономистки.

Действительно, я дал возможность цвести лопуху. Приют бездомным. И пострадал. Нечего теперь причитать.

В действительности Маша для Public Relations не подходит. Она лишена плацебо художника.

Искусство живет своей выдуманной жизнью. Видение технаря отличается от представлений художника. Об обелиске покорителям космоса Раушенбах говорил: «Он из авиации. С разгоном взлёта. Взлетающая ракета вертикальна, а если она летит как на монументе после старта, то упадёт рядом, в районе кинотеатра «Космос».

Время с Раушенбахом – время справедливости. Борис Раушенбах с тортом «Монумент покорителям космоса».

Дались нам эти эмблемы. Но если выбирать, моей собственной эмблемой мог бы стать крохотный озерный рачок эпишура, живой фильтр, пропускающий через себя байкальскую воду, обеспечивая её чистоту.

А что для шефа годится символом, что его выразит? На его знамени я бы изобразил аспида, старославянское чудище, пугавшее и замораживающее. Соблазняющее замужних женщин или вдов, прикидываясь их отсутствующими мужьями.

Моя ежедневная терапия – виды с высоты. Проснувшись, я ещё парю надо всем и в голову приходит разное. В кухне, заваривая в джезве молотое кофе, я бросаю мимолётный взгляд из окна на Москву, на ту непарадную её часть, открывающуюся с нашего девятнадцатого этажа. Рядом близкие корпуса фирмы Архипа Люлька, славного авиационного предприятия, известного мне лишь понаслышке, где по логике вещей следовало бы служить и мне. Рядом сгрудившиеся «красные дома». Дальше зелёные Сокольники и до горизонта россыпью разновеликие дома южной и восточной Москвы, большого города, который я покину через полчаса спустившись с девятнадцатого этажа в кабинке лифта или по лестничному винту и унесусь электричкой от окраины сто-

лицы у северянинского моста в Подлипки Дачные, которые и названием предназначены для приятных дел – огорода и отдыха. А прибыв в этот славный маленький городок, казалось вопреки логике, заспешу от знакомой и родной второй территории, что рядом со станцией, мимо первой, остающейся в стороне, к дальней третьей и по значению, и по счёту на которой теперь и всё для меня.

Наш корпус, признанный на территории главным, по-прежнему мой конечный пункт.

Наша производственная жизнь – симбиоз и мешанина. От славного и даже исторического ракурса, где даже случайный разговор претендует стать строкою воспоминаний, (это понимаешь задним числом), до технической бытовухи, где бортовой поручень или винт крепления прибора – в фокусе внимания и стоят нервов и крови твоей. Не до возвышенного и твои старания не особо ценятся. Они в порядке вещей.

Шеф уже в свободном плавании в верхах, в министерстве и Совмине. Ему теперь важно не потеряться в коридорах власти и стать своим. У него еще сохранились прежние замашки. Прослышав об наивном изобретателе, он может сорваться с места и полететь к нему в глубинку, в надежде застолбить открытие и поймать выгоду от внедрения, если её подсказывало его чутье, его собачий нюх, пыл кладоискателя и азартного игрока. Он заострён на успех, с которым ему долго не везло. Представ перед изобретателем, он предложит ему развитие в космической отрасли и позже введёт в недо-

умение французов нарушением законов термодинамики.

Тирану требуются лично преданные. Женя Фазолов, буфетчица Лариса и экономистка Наталья смотрели шефу прямо в рот. Остальные тоже подстраивались. Они являли собой удивительное сходство, которое я визуально отметил на берегу Авачинской бухты на Камчатке в наклоне и изгибах деревьев от постоянно дующих ветров. Ветры времени сформировали в свите шефа постоянный наклон перед властью и при всём желании, казалось мне, они не смогут выпрямиться.

С эвакуацией шефа в Мытищи, наша комната на короткое время опустела. Сунулся было Стас. Затем в неё заселились экономистки. Они примерно ровесницы и внешне разные. Старшая Наталья сохранила способность удивляться. Как говорили в лаборатории: «Делать большие глаза». Они воспитаны в подчинении и от шефа без ума.

Со своими планами, процентами и коэффициентами они в ОКБ, что говорится, «пришей кобыле хвост». Экономистки имелись при каждом приличном подразделении, считали, расписывали и подводили итоги. К ним привыкли, а их декоративная деятельность варилась сама по себе.

Мы мирно уживались. С перестройкой нашему доморощенному животному открывались иные перспективы – вырваться в дикие леса предпринимательства. Шеф связывал с ними свои заморочки, пытался влить в них новую кровь.

Вскоре он перевёл их поближе к себе, и комната экономисток оказалась с ним рядом, через секретарскую.

НИЦ уже жил собственной жизнью. Мелькали будни и праздники. В один из них из залы с накрытыми столами я заскочил случайно в соседнюю комнату, где в полутьме «субчиками-голубчиками» наедине сидели шеф и Наталья.

Они сидели рядом, и шеф глядел в натальину руку, вывернутую ладонью вверх.

– Гадание?

В память о прежнем я пытался держать хвост торчком. Не удержался и тут, заявив, что тоже гадаю по руке.

– Кто твой учитель? «Какая школа?» – спросил шеф.

– Ибн-Сина-Абу-Али, – с готовностью откликнулся я.

И всё бы ничего, но начинания шефа имели свои последствия. Он любитель перемен. Наталья уже готова. Он, видно, это ей и предсказал. Вскоре её семья была разрушена, на месте её была пустыня со следами босых шефовых ног.

От подчиненных требовалась бескомпромиссная преданность. Другого шеф не понимал. Этим он опередил время, имея как бы штат андроидов, запрограммированных на выполнение. Человеческие особенности подчинённых его мало интересовали. Нет, он, конечно, понимал, что они есть, но за исключением редких случаев не уделял им должного внимания.

Так я размышлял, рисуя расстановку сил. Шеф поступал

оптимально, по-Беллману. Оптимально на каждом шагу с учётом конечной цели. Сашка Марков пока использовал его ледоколом во льдах.

И, конечно, требовалась защита. «Ублажай воинов», – повторял Септимий Север. Защиту шеф искал в руководстве по хозяйственной части и в режиме, завоёвывая их коммуникабельностью и талантами. Впрочем, не только их. Он искал сочувствия в соседнем МИСИ на кафедре прикладной механики и математики. Там он казался веянием эпохи «на коне и со знаменем в руках», в обаянии авантюристичности. Это были его заключительные гастроли, как оказалось потом. Он по-соседски контактировал с деканом филиала строительного института в Мытищах.

Я же волей судеб я со временем оказался в соседнем коммерческом подразделении, что возникло наряду с НИЦем и перехватило часть его инициативы. Там до меня уже пристроилась Юлька, дочь Стаса. Она даже приобрела некий статус референта-обозревателя, готовя еженедельные обзоры американской прессы о космонавтике. В основном по страницам «Спейс Ньюс». Планы её простирались дальше, и она сыграла роль провозвестника и локомотива для семьи, перебравшейся вскоре в Канаду. Впрочем, не без участия шефа, поспособствовавшего стасовой семье избежать опасного соседства и исчезнуть с калининградского горизонта.

С Марковым мы пресеклись на авиационной выставке, в

Ле-Бурже. Тому предшествовала необыкновенная история. Ещё не были полностью распахнуты выездные ворота. Моя жена только мечтала увидеть то, о чём я рассказывал ей. Проснувшись раз, она спросила меня: «Где город Венсен? И есть ли такой?» Во сне она побывала в этом городе. Я не знал, что ответить. О сне быстро забыли, но он так предметно вспомнился.

Венсен для нас из загадочно-чудесного. Сказочного.

Нам было совестно, что наши жёны не могут увидеть с нами парижской красоты. Но всё менялось и в мою последнюю французскую командировку я отправился в Париж с женой, оформив ей туристическую визу. В свободное время я ей показывал Париж. В метро мы как-то доехали до станции Шато Венсен, и вспомнился сон. Случившееся казалось невероятным. Ведь только в сказках реализуются сны. Покинув подземку, мы разглядывали венсенский замок, который когда-то стал тюрьмой и где была расстреляна Мата Хари.

Затем нам подарили посещение авиакосмического салона в Ле-Бурже. Пока мы обсуждали технические проблемы, жена с первой французской космонавткой Клоди Дэе щебетали рядом, а после был общий обед.

Щебетали как птички. С первой французской космонавткой в Ле-Бурже.

Французы свели нас за одним столом. Меня, мою жену, Ленку Богданову, которую бессовестно использовали из-за симпатии к ней французского руководителя текущих проектов, и возвратившегося из Тулузы Маркова. Когда обед подошёл к концу, я его спросил:

– Отчего ты тогда пожаловался вице-президенту?

Этим думал я смутить его. Стучать в ОКБ считалось позорным. Бесконечно постыдно прослыть стукачом. Но он, не моргнув, ответил вопросом на вопрос:

– А кто тебе сказал?

– Не важно. Тот, кто знал.

Думал, ему станет стыдно, а он ответил, не моргнув:

– Мне тогда так было нужно.

И я понял, что передо мной ещё один тиранчик, пока маленький. Новоиспечённый. Я подумал: «Тираны возникают везде. На любом, заселённом месте с желанием повелевать. Тирания – болезнь, вроде горячки, Она способна подарить временные силы. Вера тирана в том, что он истина в последней инстанции – безгранична. Верно для него то, что само собой приходит ему в голову. С тиранами следует бороться. Везде, ежечасно, не жалея сил. Счастлив тот, кому они не исказили жизненную среду. Полоть, полоть по мере сил, чтобы не зарости бурьяном и этим помочь себе и детям, и внукам. Всем. Выражаясь выпендренно, будущим поколениям. А то, что мы постоянно уходим в кусты, предпочитая терпеть – на нашей совести.

Я взглянул на Маркова с сожалением, и мы расстались, чтобы больше не встречаться.

Я брожу теперешней славной улочкой, вспоминаю и думаю о страсти шефа достичь всего. Кому первенство предписано? Кто осуществит своё? Неужели уступим первенство сорнякам? Я брожу среди зелёного рая. Итальянская сосна, усыпаны крохотными яблочками японские яблони с причудливо изогнутыми стволами, зелёными голенищами листьев блестит магнолия. На первое место в космосе мог претендо-

вать весь зелёный мир, но первым расцвёл на орбите сорный арабидопсис.

«Мы в атаку, нам по морде. Мы обратно, нам по морде», – повторял, играя в обед в шахматы 3-ех минутные блицы сослуживец по 27-му отделу- Гера Скарин. Как это правильно. И это не присказка, а философия жизни. Увы.

В душе я – историк. Сравниваю и вспоминаю. История уроком всему. По-своему истолковываю я филологу Достоевского «Красота спасёт мир». Объясняю её доброжелательностью в противовес противопоставлению. Миру нужен мир. Не красота, а скорее целесообразность во главе угла и наша интернациональная деятельность соответствовала закону мира, его теории и практике.

В своё время навязчивым предупреждением постоянно снилось мне, что я хожу, не страхуясь, по острой кромке вулкана. Оттуда снизу, из кратера на меня пышет жаром и поднимаются, дурманя голову, сернистые газы. Не новичок я в жизни и мне бы внять и чуточку поостеречься, но нет, и мы молодыми псами резвились во дворе жизни, не замечая пугающих перемен.

Потом на глазах всё стало рушиться, как крепость из песка. Всё гибло разом и события хватили тебя за шиворот и несмотря на сопротивление волокли. Тебе оставалось лишь противиться течению. Всё было уже определено предыдущими актами. Ружью, повешенному в первых главах, остава-

лось выстрелить, что и случилось. Оно стреляет прямо тебе в сердце, а дальше следует описание похорон, пышных, скрывающих суть мишурой. Как не пляши, *Finita la commedia*.

В сложную переходную эпоху шеф объявлял себя ни раз общей «палочкой-выручалочкой и заявил себя даже спасителем «Мира». Но в канун миллениума был уволен с предприятия. Приказом президента корпорации «Энергия» он был освобождён от занимаемых должностей «за грубое нарушение установленного в Корпорации порядка обращения в вышестоящие инстанции». Дальнейшее его скромное и формальное пребывание в ОКБ было одолжением и радости ни ему, ни остальным не принесло.

Но шеф непотопляем. Он числится на кафедре МИСИ. Профессором кафедры прикладной механики и математики. Того, за что его размазывали с диссертацией по стенке. Ни в механике, ни в математике он ни бум-бум. Но в надувании щёк достиг совершенства. Ему всегда хотелось чуда и разом. Профессор математики из той же серии. Сработала еврейская цепкость кафедры – прицепиться каким-то краем к космонавтике.

Где шефа истинное место? Можно смотреть по фотографиям. Он повсюду вылезает раздвигая окружающих на первый план, как бы утверждая своё место по заслугам. Сначала это выглядит смешным и забавляет, а со временем к подобному привыкают, уступая место рядом. Не смешно. Вызывало удивление, как он «промыливается». Так на футбольном

поле фаворит в любой матчевой суетоке непременно оказывається у мяча. На это нужно иметь чутье и скрещенными пальцы.

Умер Раушенбах. Прощание с Борисом Викторовичем прошло в церемониальном зале Академии Наук, рядом с площадью и монументом Гагарина.

Жизнь продолжается. По-прежнему над планетой восходит солнце.

Уходила эпоха. Закончился славный век. Всё совпало со временем нашей молодости: завершение опустошительной войны, начало космической эры и перестройка. Работа ря-

дом с Раушенбахом. То, что невозможно забыть и радуется напоминанием. А тирания не только под солнцем, она чертополохом в разных местах. Её нужно искоренять. Не только в воспоминаниях.

Очередной день в тассовских сообщениях: «Контейнеровоз Ever Given начал движение по Суэцкому каналу... Джо-ди Фостер вручили почётный приз каннского фестиваля... В Крыму после наводнения началось нашествие комаров... На Бали раскрыли банду из России...»

Другими словами, жизнь продолжается. Плохо или хорошо? Хотя и не страшно в целом. Кому-то не повезло. Просто такие обстоятельства.

Многое позади и не страшно, потому что было этапом жизни, и имеет конец. «Любовь бывает долгая, а жизнь ещё длинней» – поёт Юрий Антонов. Время беззвучно катится. Наше время давным-давно ушло, и воспоминанием минувшего осталась старая выцветшая майка.

Фотографии книги любезно предоставлены NASA, Фотохроники ТАСС и автора. Фото обложки Владимира Музыченко.